НАТАЛЬЯ
РЕЗАНОВА
ДЕТИ ЛУНЫ

Наталья Владимировна Резанова

Странник

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159660
Дети луны: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2006
ISBN 5-17-037625-1, 5-9713-3037-3, 5-9762-0364-7

Аннотация

Город – в кольце осады войск владетельного Генриха Визе, и помочь осажденным в силах лишь могущественный союзник – Вельф Аскел. Но чтобы просить Аскела о помощи, кто-то из горожан, рискуя собственной жизнью, должен выбраться за стены. И тогда начинает свою игру таинственный юноша, зовущий себя Странником. Единственный, кому удается снова и снова совершать невозможное. Лучший из разведчиков. Стремительнейший из гонцов. Бесстрашнейший из воинов. Странник быстро становится доверенным слугой Вольфа. Но почему юноша скрывает свое имя? Кто он в действительности?!. Какими силами владеет?!

Содержание

Авентюра первая. Исход 4
Авентюра вторая. Печать и кольцо 20
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Наталья Владимировна Резанова
Странник

Странником в мире ты будешь!
А. Блок. Роза и крест

Авентюра первая. Исход (зима 1102—1103 гг.)

Всюду беда и утраты,
Что тебя ждет впереди?
А. Блок. Роза и крест

– Странник я! Странник!

Площадь была почти пуста, и вопли громко отдавались среди домов, зависая в сыром прозрачном воздухе. Переходившая площадь девушка остановилась и обернулась. Мимо церкви двое стражников лениво волокли какого-то бродягу, а он вырывался и кричал:

– Странник я! Паломник, а не вор!

Никто его не слушал. Снова пошел слабый снег и скрыл голосящего оборванца, продолжавшего повторять, что он странник, и тащивших его стражников. Девушка плотнее запахнулась в плащ и зашагала дальше. Ей было лет пятнадцать. У нее были рыжие волосы, заплетенные в косу, и отнюдь не характерная для рыжих внешность. У тех обычно округлое молочно-белое лицо, усыпанное веснушками, либо остренькое и вытянутое. У девушки были тонкие, правильные и резкие черты лица и пристальные карие глаза. Высокая, она несколько сутулилась и глядела прямо перед собой. Возле нарядного каменного дома, на воротах которого красовалось изображение двух поднявшихся на дыбы единорогов, смуглый черноволосый юноша небольшого роста седлал коня.

– Здравствуй, Адриана, – сказал он, когда девушка оказалась рядом.

– Здравствуй, Даниэль. Уезжаешь сегодня?

– Да, на службу королю. – Видно было, что его больше волнует сама это новость, чем девушка.

– Ну, дай тебе Бог, – безразлично сказала она и двинулась дальше.

В соседней подворотне стояли две женщины.

– Бедняжка, – сказала одна другой, – сирота, да еще и беспризанница…

Девушка свернула за угол. Там, стиснутый двумя богатыми дворами, стоял маленький серый дом. Адриана пнула ногой незапертую дверь и вошла.

Внутри было ненамного теплее, чем на улице. Дрова давно кончились. Не снимая плаща, Адриана, положив руки на колени, опустилась в кресло возле холодного очага.

Три месяца назад, во время последней вспышки чумы, умерли ее родители. Саму Адриану болезнь почему-то миновала. Отец ее был живописцем, рисовал миниатюры на пергаменте, зарабатывал плохо, но это его мало волновало. Семья жила как лилии полевые, что не жнут и не сеют. Родители Адрианы очень любили друг друга. Это было идеальное супружество. Они умерли в одночасье и до последнего дыхания были влюблены друг в друга, как в день свадьбы. Занятые только собственными чувствами, они никогда не интересовались другими людьми и не обращали на них внимания, в том числе и на свою единственную дочь. В детстве Адриана как должное принимала равнодушие отца и матери, а затем – равнодушие всех окружающих. Неуклюжая, неловкая, болезненно застенчивая, она не умела сходиться

с людьми, подобно большинству обойденных вниманием детей. Сколько она себя помнила, друзей и подруг у нее не было. Смерть родителей поразила ее меньше, чем можно было ожидать. Впрочем, ее жалели – ведь жалость ни к чему не обязывает. Сосед-бургомистр, чьи заказы часто выполнял отец Адрианы, относился к ней благожелательно. С сыном его, с которым она поздоровалась на улице, – он был на четыре года старше Адрианы – ее связывали лишь отношения холодной и также ни к чему не обязывающей вежливости. Больше, пожалуй, она в последнее время ни с кем не разговаривала. В маленьком Книзе, где почти все знали друг друга, она была бесконечно одинока. И после долгих часов бесцельных скитаний по городу с еще большей силой ощущала свое одиночество. Глядя в затянутое бычьим пузырем окно, она думала о своей жизни. Пока она жила, продавая кое-какие старые вещи. Скоро в доме останутся одни голые стены. Как существовать дальше, она не знала. Прокормиться каким-нибудь ремеслом? Всегда у нее все ломалось или рвалось. «Что у тебя за руки!» – сердясь, кричала мать, и она в испуге роняла шитье или тарелку. Она прочитала все книги, какие есть в доме, у бургомистра и у другого постоянного заказчика отца – настоятеля собора Святой Маргариты, многие из них знала наизусть, но кому это нужно? Вот если бы она родилась мужчиной… да и тогда вряд ли пригодилось бы. К чему ученость, когда все кругом воюют? Замуж при такой бедности ее никто не возьмет, да она и не хотела замуж. Разве что продать дом и податься в служанки… и унизиться перед всем городом? Нет уж, лучше так… существовать бесцельно, никчемно, забившись в собственную конуру, и каждый день думать только о том, как бы протянуть дальше.

Она сидела, зимние сумерки заполняли комнату, а она все не двигалась, словно переполнявшая душу тупая тоска приковала ее к месту.

«Сколько это может продолжаться? – думала Адриана. – Должно быть, до самой смерти».

Это было во вторник после Крещения. А еще через две недели комтур Визе осадил Книз.

Бургомистр Николас Арнсбат продолжал сидеть в ратуше, хотя была глубокая ночь. Он уже привык спать урывками, а после нынешнего совещания городских старшин спать и вовсе не хотелось. Разговор шел уже о том, чтобы сдать город. Осада продолжалась сорок два дня. До сих пор все атаки осаждающих были отбиты, но прошлым утром, во время последнего штурма на стене был убит Гибер, командовавший городским ополчением. От самого ополчения тоже оставалась едва половина. И все же Арнсбат был против сдачи. Он слишком много слышал о Генрихе Визе, и о том, что орден Святого Маврикия делает с жителями захваченных городов.

«Проклятая война! Да, династия Кнерингов создала величие страны, но она же ее и погубила, разрушив собственное строение. Вот уже двадцать лет прежде единое королевство разорвано на многочисленные лоскуты, и все бароны, князья, маркграфы только и думают, как бы отхватить от соседнего лоскута. Теперь и орден озабочен расширением своих земель. Рыцари, в бога мать! Нет чтобы с неверными сражаться – полезли сюда. До сих пор все эти невзгоды нас миновали, мы – город небольшой, небогатый, исправно платили подати, кому следовало, – и вот, докатилось и до нас.

А ведь нам не выстоять. Кладовые пусты. Хорошо, что сейчас зима и нет недостатка в воде, но голод нас доконает. Есть сведения, что Визе послал за осадными машинами. А стены Книза не чета даже вильманским. Весна не за горами. Лед на реке начнет таять, и они полезут в драку. А кому защищать город? Раненым? Женщинам? Нет, своими силами город не удержать. Итак, остается последняя надежда – Аскел… не за горами… если он уже перевалил через горы… Известия о нем были получены больше двух месяцев назад, когда об осаде и речи не было. А через горы зимой… и подумать страшно… ну, он мог просто

повернуть назад. Но даже если он уже по эту сторону, он может не знать о том, что творится в Книзе. А если и знает… придет ли?»

Бургомистр припомнил все, что знал о Вельфе Аскеле. Отец его, Георг, выдвинулся из простых латников, получил феод где-то рядом со Сламбедом. А у этого чуть ли не войско свое. Пожалуй, что самый молодой из королевских полководцев, лет двадцать пять, но на службе с детства, поднаторел… Вельф дважды приезжал в Книз, они с бургомистром дружны, можно сказать, однако причина ли это, чтобы двинуть солдат против ордена? Ведь никаких союзов не заключалось, договоров не подписывалось… кто знал? «Купец, купец, только о торговле и думал! И все же надежда есть надежда. Послать бы человека к нему… а кого пошлешь? На стенах каждые руки на счету, всякий, кто в силах держать оружие, – держи! А ведь слабосильного не пошлешь. Смелого, конечно, так сейчас все с голодухи стали смелые, но в первую очередь ловкого… и преданного городу… и неприметного, чтобы мог пробраться сквозь орденский лагерь… а еще лучше – ангела, чтоб на крыльях перелетел! К утру нужно все решить. Иначе будет поздно. А сейчас…»

Было за полночь. После смерти Гибера Арнсбат принял на себя его обязанности, и теперь самое время идти к укреплениям. Проверить посты. И не дай бог ночной штурм, как уже случалось. Зима-то какая никчемная, ни тепла, ни холода настоящего…

Он шел по темному городу и думал: хорошо или плохо, что Даниэль сейчас далеко отсюда? Быть может, мы все погибнем, а он останется… Хорошо или плохо? Хорошо или плохо? В караульной башне не спал один Хайнц, остальные растянулись на лавках и на полу. В очаге трещало несколько поленьев. Было тепло, и стоял смрад немытых тел, слышались стоны и храп.

– Как?

– Тихо, – сказал Хайнц.

– А люди?

– Ничего. Отдрыхнутся – лучше воевать будут.

«Послать его?» – размышлял Арнсбат, глядя в лицо старого солдата, где морщины мешались со шрамами.

– Кому надо – тот не спит, – продолжал Хайнц. – На стенах тоже многие ночуют… городские.

– Я взгляну. – Арнсбат поднялся по крутой лестнице наверх, подошел к бойнице. На том берегу горело несколько костров. И все… Внезапно он споткнулся, на что-то наступил. Шатнулся в сторону. Рядом, в нише стены, зашевелился какой-то ворох тряпья, что-то забормотали и из-под рогожи высунулось человеческое лицо, завешенное прядями спутанных волос, казавшихся во мраке угольно-черными. Арнсбат нагнулся, пригляделся.

– Адри…

– Это вы… А я уж подумала – на приступ лезут.

Он усмехнулся, припоминая.

– Давно я тебя не видел… А ведь соседи, дома рядом стоят…

– А я теперь там не бываю…

– Где же ты живешь?

– Здесь…

«Бедная запуганная девчонка, – подумал Арнсбат, – боится одна».

– А здесь что делаешь?

– Воюю…

Она поднялась на ноги, подтянув рогожу на плечи. Как ни было темно, Арнсбат разглядел, что одета она черт-те во что: в какую-то рваную мужскую рубаху с прожженными по краям рукавами, юбка из дерюги, ноги обмотаны тряпками.

– Что это с тобой?

– Платье и плащ совсем обгорели… когда пожар тушила на Северных воротах.

– И как же ты воюешь?

– Как все… не сидеть же.

– Сколько тебе лет, Адри?

– Будет шестнадцать.

– А если убьют – не страшно?

– Если сразу – чего же тут страшного? А город жалко – люди… дети маленькие…

– Славная девка, боевая девка, – сказал Хайнц, подошедший сзади, – тоже, видимо, проверял посты. – К оружию привыкла.

Бургомистр разглядывал Адриану. Она была ниже его на полголовы. Странная мысль…

Адриана тоже смотрела на бургомистра. «Здорово сдал, – думала она. – Постарел… а ведь видный был мужчина. Чего это он?»

– Вот что, – сказал Арнсбат. – Пошли-ка вниз. Нужно поговорить. И ты тоже, Хайнц.

Они вернулись в башню. Арнсбат, однако, не дошел до зала, толкнул дверь в пустую кладовую. Пошарил, нашел где-то огарок свечи. Ударил кресалом по кремню, зажег, налепил свечку на место выбитого кирпича.

– До рассвета еще далеко, – пробормотал он. – Теперь так. Ты, брат, принеси какой ни на есть одежды с убитых. Поплоше, но не самую рвань. И поищи канат потолще и подлиннее. А ты останься.

Он сел на пыльную скамью. Адриана продолжала стоять. Теперь только Арнсбат заметил, что за веревку, поддерживающую ее лохмотья, заткнут тесак.

Арнсбат решил не тянуть.

– Мне нужен человек – послать к Аскелу.

– Что я должна сделать? – спросила она.

– Конечно, жалко… я ведь тебя с младенчества помню… Девчонку, может быть, на смерть… Ты вот говорила – если сразу. А если не сразу? Есть много вещей хуже смерти…

– Я знаю.

– Молчи и слушай. Раз ты давно на стенах, должна понимать, как нужна нам помощь. Вельф Аскел, если горы перешел, днях в четырех отсюда. За Вильманом. Если через десять дней не вернешься…

– А если он мне не поверит, что я от вас?

– Написал бы я письмо, да опасно – вдруг попадешься? Они там, в ордене, грамотные…

– У вас есть какая-нибудь вещь, которую он знает?

– Погоди…

Вошел Хайнц.

– На, бери это барахло…

– Слушай, Адри, переоденешься в мужское – так лучше, сама знаешь. Вокруг лагеря много бродяг ошивается…

– Понятно. – Она взяла одежду в охапку, отошла в темный угол. – Хайнц, где ей лучше спуститься?

Тот прикинул.

– Между караульной и Восточными воротами.

– Ладно, жди нас там. Веревку не забыл?

Адриана снова вышла на свет. Рубаху оставила свою, поверх – ветхая куртка, холщовые штаны, на ногах – опорки, войлочная шапчонка засунута за ремень.

– Ага, – она вытащила нож, намотала волосы на кулак и обрезала их. – Все равно свалялись. – Бросила волосы на пол.

– Так. Нашел я. Вот ладанка с мощами святого Элигия, освященная папой. – Он расстегнул кафтан, достал серебряный образок на тонкой цепочке. – Он ее видел – похвастался я раз на пиру в ратуше… Спрячь хорошенько…

Ему совсем не хотелось выходить наружу, в холодную тьму.

– Да… был бы Даниэль здесь, послал бы его. Но он уехал. Что же делать – дело невеселое.

– Дуракам всегда весело, – ответила она.

Арнсбат снова взглянул на нее. Неужели одежда так меняет человека? Черт возьми… Но у нее и голос изменился… и взгляд… даже ростом она выше. Нет, с недосыпу мерещится.

– Идем, – сказал он. Стоя рядом с Хайнцем, закреплявшим веревку, Арнсбат давал ей последние наставления.

– Десять дней – это крайний срок, а обернешься раньше – на шестые сутки от этих будем ждать тебя каждую ночь, я и он. Место запоминай.

– Готово, – сказал Хайнц.

Николас Арнсбат вздохнул.

– Ну, с Богом, – и перекрестил посланницу.

– На, возьми, – Хайнц протянул Адриане два сухаря, – больше нет. – Добавил, пока она прятала сухари за пазуху: – Как спустишься вниз, – коли никого нет, дернешь три раза. Тогда подыму веревку.

Адриана обернулась к ним, видимо, что-то хотела сказать, но передумала, полезла в бойницу.

– С Богом, с Богом, – повторил Арнсбат. Скрипнула натянувшаяся веревка, и голова Адрианы исчезла в тени.

Вначале был слышен шорох упирающихся в стену ног, потом стих.

– Лазить-то она умеет или нет, так и не спросил я ее, – заметил Хайнц.

Арнсбат высунулся наружу.

– Ничего не видать.

– Может, напрасно ты это затеял? Нашли бы парня… – он осекся. – Дернули. Три раза.

– Слава Богу. – Арнсбат прислонился к стене.

– Тащи.

– Погоди. Послушаем, как пройдет.

Выпустив веревку, Адриана вытерла ободранные в кровь руки об одежду и прислушалась. Было тихо. Снег в тени ворот казался черным. Только бы через реку перебраться, а там как-нибудь… Сделала шаг, другой. Побежала и скоро оказалась у границ тени. Там, впереди, река, за ней – орденский лагерь… Она вновь побежала, пригнувшись. Хорошо, что луны нет. Вот и костры видны на той стороне. Вряд ли ее можно было разглядеть, до реки шагов тридцать, все же Адриана опустилась на снег и дальше двинулась ползком. Днем мело, и она подумала, что может наткнуться на припорошенные снегом неубранные трупы, но это мысль была мимолетной. Сухие прибрежные камыши торчали из сугробов. На обрыве она замерла. В задумчивости набрала снег в горсти и стала сжимать, хотя это причиняло режущую боль ободранным ладоням. Перед ней темнела замерзшая река. Здесь, на льду Гая, в мирные зимы с визгом носились городские дети, толкали друг друга, упавшие проезжали на собственном заду и сбивали с ног тех, кто не успевал отскочить, она же смотрела на них со стены, по застенчивости и нелюдимости не смея принять участие в общем веселье. Сама она подойти не решалась, а другие никогда ее не звали… и уж так получилось, что ее нога никогда не касалась затвердевшей поверхности реки. Все-таки как же перебраться? Потому что перебраться – это самое важное. А после – ровная земля под ногами, потихонечку, полегонечку… Она откусила от пахнувшего кровью снежка и поползла вниз, к реке. У кромки льда встала на ноги. Бежать было скользко, но она ни разу не упала.

Первые шаги на том, вожделенном берегу она сделала на четвереньках. А там, почти сразу, – костры. Поднимаясь, она вздрогнула. Прикусила губу. Бояться еще! Вон хворост навален, за ним можно встать на ноги и – спокойно, не бежать, не дергаться, так только и можно пройти, не привлекая внимания. Глаза ее искали часового – и не находили.

Запах нечистот ударил в ноздри. Снег был весь загажен. У костров бродили и валялись солдаты ордена. Окрестные деревни пожгли в самом начале осады, в уцелевших домах разместились командиры, а простым воинам приходилось ночевать на снегу. Впрочем, им было не привыкать. Многие не спали. Глядя на них, Адриана мимолетно подивилась тому, что они с виду ничем не отличимы от горожан. В бою об этом как-то не думалось.

Незамеченной ей удалось пройти довольно далеко в глубь лагеря, как вдруг она услышала шум и крики. Она схватилась за тесак, думая, что обнаружена, но в этот момент несколько человек пронеслись мимо нее к палаткам, за которыми поднялась какая-то возня. Солдаты сбились в кучу, слышалось: «Бей, бей! Так его!» «Драка», – решила Адриана и хотела уже, воспользовавшись суматохой, проскочить через лагерь, однако сзади бежали еще, и ей поневоле пришлось замешаться в толпу.

– Что там? – спросили рядом.

– Конокрада поймали…

Меньше всего Адриана собиралась высовываться, но ее случайно вытолкнули вперед, и она увидела на затоптанном снегу распластанную человеческую фигуру. Кое-кто из сбежавшихся поднимал над головами выхваченные из костра головни, и из тьмы порой выступали освещенные кровавым светом лица.

– Дорогу! Дорогу комтуру! – заорали над самым ухом, солдаты расступились, и чуть ли не из-за плеча Адрианы появился невысокий человек в черном, подбитом мехом плаще – сам Генрих Визе. Два здоровенных парня возвышались за его спиной. Рядом стоял монах-цистерианец. Визе был крепок, плотен, кривоног, одет в теплый тяжелый кафтан. Редкие темные волосы прикрывала черная скуфейка. У него было круглое широкое лицо с коротким, будто обрубленным, носом. У пояса его висел длинный меч, а на среднем пальце правой руки был надет массивный перстень с изображением солнца – знак рыцарей Святого Маврикия.

– Жив еще? – спросил он осипшим от ветра, но не лишенным приятности голосом.

Конокрада подняли и поставили на колени. Его лицо было разбито до такой степени, что невозможно было разобрать черт. Из носа и ушей текла кровь.

– Ну? – спросил Визе.

– Поймали у коновязи, – сказал широкоплечий в меховой шапке. – Троих уже отвязал.

«Я могу ударить его ножом, – думала Адриана, – тогда осаде конец… и мне тоже. Один удар – и…»

– Стали бить, а потом… словом, что твоя милость прикажет…

«…но телохранители? А если не конец? Если они не уйдут… и никто не дойдет к Аскелу?» Под тканью кафтана проступал заметный живот… один удар, только один удар… нет, не за этим меня послали…»

– Посадить его на кол, – сказал Визе.

– А тот… с вечера шевелился вроде… или прикажешь добить?

– Если жив – оставь так. А этого – рядом.

Конокрад завыл неожиданно тонким голосом, его подхватили и поволокли. Адриана проводила его взглядом. Внезапно она вновь услышала голос Визе:

– Эй, ты, рыжий! Что-то я раньше тебя здесь не видел!

Она обернулась, холодея. Сомнений не было – комтур обращался к ней.

– Я конюх, – произнесла она хриплым, однако ровным голосом, – новый конюх брата Альбрехта (от пленных она знала, что такой рыцарь есть). Он, как услышал про покражу, прислал узнать.

Голубые глаза Визе все так же смотрели в ее лицо. «Если он заподозрит, я зарежу его», – отчетливо подумала Адриана. А Визе все смотрел. У него была отличная память, он гордился тем, что знает в лицо большинство своих солдат. И сейчас он просто запоминал клок рыжих волос, свесившийся на нос, ободранные руки (он и это заметил), острые карие глаза.

– Конюх, – пробормотал он, – ну, ступай отсюда… – Повернулся и тяжело зашагал назад. Большинство солдат тоже двинулось с места – посмотреть на казнь.

Адриана осталась стоять. Она еле держалась на ногах. Отдышавшись, она подняла голову и увидела, что край неба посветлел.

Рано утром из лагеря выехал небольшой обоз – трое саней, с десяток всадников и пешая обслуга. Они двигались на запад, навстречу отряду божьего брата Мутана, известного знатока осадных машин. В одной из повозок поместилась Адриана. Все произошло само собой. Еще в лагере, пока она раздумывала, как ей сюда попасть, какой-то стоящий у коновязи мужичонка стал громко жаловаться, что с вечера ушиб руку и она вся болит и распухла. Адриана, используя приобретенные по время осады познания, вывихнутую руку вправила, потом помогла запрячь тощего одра, а дальше уже никто не удивлялся ее присутствию здесь. И вот она ехала в санях, а не топала пешком по снегу, ее даже угостили куском солонины – она и не подумала отказаться, хотя это был дар врага, – еще я буду сухари свои тратить!

Возница, тщедушный, остроплечий, с грязной торчащей бороденкой, и восседавший на ворохе рогож латник вели неторопливую беседу. Адриана примостилась сзади.

– А наш-то – добрый был нынче. И пытать его не велел.

– Не иначе – в зернь выиграл.

– Да ну?

Шуршал мокрый снег. В соседних санях кто-то все время кашлял. Возница поковырял в зубах.

– Узнаю эти места. В начале зимы мы здесь шли. Только тогда прямиком двигались от Брика – вон оттуда, а теперь вкружную пойдем, через Лысую пустошь… видишь, где кусты? Там и начнется. А оврагов там…

– Я, дядя, нездешний, – лениво сказала Адриана, – объясни ты мне, почему мы сейчас напрямую не пойдем?

– Дурень ты, малый! А река?

– Какая река? Гай?

– Да Веда же!

– Так она, верно, и раньше там была.

– А лед? На Гае тоже лед, скажешь? Но там он еще долго стоять будет, а Веда – речушка поменьше, да быстрая, того и гляди, вскроется, время-то подходит! И потонуть недолго. А чем переправу наводить, быстрее обойти…

– И верно, – согласилась Адриана.

– К тому же, – добавил латник, – там, к западу от леса, Вильман, а нам с такими малыми силами рядом с Вильманом показываться не след. В тех краях где-то Аскел объявился. Сюда-то он не придет, но если что… Понял?

– Ага.

Латник начал что-то рассказывать об отце Иакове, теперешнем духовнике Визе, по слухам, отчаянном игроке, в отличие от прежнего – жуткого пропойцы, но мысли Адрианы сосредоточились на одном – как удрать отсюда? Уж одна-то она через реку переберется, только вот как удрать? Просто выскочить из саней и бежать? Выстрелят в спину без лишних разговоров – и прощай, бургомистр Арнсбат! Сплести какую-нибудь историю? Или дождаться привала?

Обоз свернул влево. Дорога петляла меж редких зарослей. Несмотря на лежавшие сугробы, было видно, что местность пошла неровная. Начал падать тяжелый редкий снег.

«Это хорошо. Хуже видно». Перед ними тянулась длинная цепь полузанесенных оврагов. В одном месте был перекинут бревенчатый мост.

– Подтянись! Подтянись! – орал десятник, проезжая мимо них. Передние уже ступили на мост, за ними двинулись остальные. Внезапно впереди раздался треск. Нога одной из лошадей провалилась между бревнами. Она испуганно заржала, метнулась в сторону, пугая прочих. Ближние кинулись ее удерживать. Большинство топталось у передней повозки. Ожесточенно кричали, но что, было трудно разобрать.

– Это не тебя там зовут? – тихо спросила Адриана.

– Пойду взгляну, – сказал солдат, вылез из саней и отправился вперед.

– Ну, теперь надолго застрянем, – промолвил возница. Он выпустил вожжи и свесил голову на грудь. Адриана вытянулась, улеглась на живот, облокотившись на рогожу, стала осматриваться. Крестьянин, похоже, задремал. Тогда она, мгновенно подобравшись, вскочила и спрыгнула с места, скатилась по снегу в овраг, пробежала под мостом, бросилась к кустам и дальше – туда, куда ей указывали. Пройдет не меньше получаса, прежде чем они заметят ее отсутствие, подумают, что в других санях или идет пешком, а потом припишут армии ордена еще одного дезертира.

Осталось позади поле. Перебираясь через Веду, она поскользнулась на бегу и проехалась совсем как те дети, правда упав на колени, но лед даже не треснул, она снова вскочила на ноги и остановилась перевести дух только когда была уже в лесу. Тут стоило остановиться и подумать.

Великий лес! До самого Вильмана и дальше. Она, горожанка, никогда не бывала здесь, но слышала достаточно. Говорят, в прежние времена целые армии исчезали здесь бесследно, сгинув в бесконечных дебрях. Армии! Однако это было давно, а вот о путниках, растерзанных волками, приходилось слышать постоянно. Особенно в конце зимы.

Ну, хватит! Пора. Только бы не заплутать. Все время на запад. Адриана взглянула на стоящее высоко солнце. Снег здесь лежал плотно, ноги то и дело проваливались, и шаг поневоле замедлялся. Стремясь наверстать время, Адриана было приняла решение идти и ночью, но потом поняла, что ночью непременно собьется с пути. Хорошего гонца выбрал Николас Арнсбат! Никакого умения в хождении по лесу! Что делать…

Когда стемнело, она взобралась на раскидистый вяз, устроилась в развилке, предварительно привязавшись ремнем к самой толстой ветке. Луна, как и в прошлую ночь, не показывалась, и это убедило Адриану в верности принятого ею решения остановиться. Было не холоднее, чем на городской стене, где в последнее время ей приходилось ночевать. Вскоре она услышала ужасающе надрывный вой, напомнивший Адриане приговоренного конокрада, только этот порой спускался на низкие тона. Затем к нему присоединилось еще несколько голосов. Волки бродили совсем рядом. Несмотря на это, а также дьявольски неудобную позу, Адриане удалось задремать. Она слишком устала. Эти два дня могли бы утомить кого угодно.

Проснулась она от голода. Болело занемевшее тело. Она еле слезла с дерева и тут же, сидя, прислонившись к стволу, сжевала Хайнцев сухарь, заев его снегом. Голод от этого не уменьшился, но трогать второй сухарь Адриана не стала. Лучше уж кору жевать – говорят, так делают… Она потянулась так, что кости хрустнули, встала и двинулась в путь, не забывая поглядывать на солнце. На ходу голод ощущался меньше. Ветра не было, и она довольно бодро прошагала несколько часов. Впереди открылась узкая прогалина. Адриана уже почти пересекла ее, когда впереди заорали: «Стой!» – и из-за ближнего дерева выскочил человек. Еще ничего не поняв, она отскочила в сторону, и тут же рядом с ее плечом свистнула опущенная дубина. Нападающий снова ринулся на нее, и она вновь увернулась и побежала вдоль поляны. Поворачиваясь, она мельком увидела опухшее красное лицо. Хриплое дыхание слышалось за ее спиной. На бегу Адриана подскочила, ухватилась руками за длинный сук и под-

тянулась. Противник ее с разбега не смог остановиться, и тогда она спрыгнула вниз, успев выхватить нож. Клинок вошел в тело с мерзким хрустом. Второго удара не понадобилось.

Адриана сползла с трупа, встала на колени. Она вся взмокла, пот так и тек по телу, заливал глаза. Взглянула на убитого. За время осады она нагляделась на мертвецов и сама выучилась стрелять из лука и действовать пикой, но ножом она убила в первый раз, и в первый раз видела близко человека, убитого ею самой. Раскрытый редкозубый рот, окруженный жесткой щетиной. Ветхая рубаха, через дыры просвечивает тело. Одна нога босая, другая обмотана тряпкой. Обычный бродяга… дезертир, одичавший от голода… и ради ее лохмотьев… и одного единственного сухаря… Она забыла, как дешево ценится человеческая жизнь. Вот ей и напомнили. «Дурак, зачем закричал? Бил бы сразу…» Мокрая рубаха прилипла к спине, и Адриану затрясло от холода. Она вытащила нож из груди мертвеца и вытерла кровь о его штанину. Попробовала приподнять валявшуюся рядом дубину – не стоит, слишком тяжела.

«Ну, пора идти. Хоть согреюсь». Она уже отошла, потом вдруг замедлила шаг. «Надо бы похоронить». И жестко усмехнулась. «Волки его похоронят». И, чтобы согреться, пошла быстрее – на негнущихся ногах.

Вскоре после рассвета следующего дня – она к тому времени была в пути около двух часов – Адриане показалось, будто что-то изменилось в лесу. Не то чтобы она заметила нечто подозрительное или услышала – так показалось. Вздохнув, Адриана взобралась на ближайшую сосну. Сидя на ветке, она увидела: немного дальше лес обрывается, за ним лежит пологая долина, а в глубине ее под ясным утренним солнцем стоят палатки, дымятся костры, а между ними ходят люди.

– Слава тебе господи! – сказала Адриана, и, ломая ветки, спрыгнула в сугроб. Поднялась, отряхнулась. И тут ей стало страшно. А вдруг она сбилась с пути и налетела на орденский отряд? Или вообще забрела черт знает куда? Что же, ждать до темноты и время угробить… и так уже брюхо к спине прилипло… Она начала молиться, но мысли у нее путались, и, сказав вместо «amen» «будь что будет», она двинулась вперед. Бесцветное зимнее солнце сияло над ее головой.

В то утро Вельф Аскел спал дольше обычного, а разбудили его крики у входа в его шатер. Он открыл глаза. Было светло, и голова – ясная. Крики не прекращались. Орал часовой у входа.

– А ну, пошел вон! Что тебе сказано!

Ответа Аскел не расслышал, но после него часовой разъярился:

– Да я ж тебя за это на куски изрублю! В землю по уши вобью!

Вельф Аскел выглянул наружу. Часовой замахивался мечом на юного рыжего бродягу, а тот уворачивался, но не уходил. Вельф усмехнулся, глядя на это зрелище, потом спросил:

– Это еще что за чучело? Откуда он тут взялся?

– Черт его знает! Как из-под земли выскочил… – и снова замахнулся. – Убирайся, ворюга!

– Не ори, надорвешься, – сказал оборванец сиплым мальчишеским голосом. – Не мешай старшему.

– Ты кто, малый? – Вельф все еще забавлялся.

– Странник я. А ты Вельф Аскел?

– Ну я.

– А не врешь?

– А если я повесить тебя велю?

– А если у меня к тебе важное дело?

Вельф Аскел был солдат и привык к превратностям войны, поэтому слова рыжего оборванца его насторожили. Тем более что для наемного убийцы тот был явно слабоват. Он откинул полог шатра.

– Что ж, поговорим.

Адриана стянула с головы шапку и шагнула внутрь.

– Выкладывай, с чем пришел.

– Если ты и впрямь Аскел, тогда ты должен узнать эту вещь, – сказала она, снимая цепочку с мощами и протягивая ее Вельфу. Тот уселся на шкуры, служившие ему постелью, положил ладанку на ладонь и принялся ее разглядывать. А ну как не узнает? Тогда все пропало. И так уже она поражалась собственной наглости. Откуда что берется! Никогда в жизни не посмела бы так разговаривать, особенно с человеком, стоящим настолько выше ее, думала она, всматриваясь в лицо того, от кого ныне зависела судьба города и ее собственная судьба.

Он был еще молод – двадцати шести лет от роду. Благодаря темному загару особенно ярко выделялись серые глаза, веселые и жестокие. Прямые соломенные волосы падали на плечи. Сейчас, когда он задумался, между бровями выступила складка.

– Вспомнил! Я это видел у книзского бургомистра. Вроде талисмана, от несчастий бережет… Точно. Он мне ее показывал.

У Адрианы отлегло от сердца, однако она старалась говорить как можно равнодушнее.

– Верно. Он меня к тебе и послал.

– Так что же?

– Книз два месяца в осаде. Орденские войска. Если – самое большее через неделю – ты не явишься на помощь, город падет.

– Через неделю, говоришь? – он смотрел на нее косо и, как ей показалось, с издевкой. Адриана ощутила злобную дрожь. Неужели все было напрасно?

– Как бишь, ты сказал, тебя зовут?

– Странник я, странник. – Она вовсе не собиралась открываться перед этим человеком, совсем ей это было ни к чему. Она не могла бы точно вспомнить, из каких глубин сознания выскочил этот «Странник», однако сейчас он пришелся весьма к месту.

– Шутник твой Арнсбат – младенцев ко мне посылать!

– Взрослые нужны на стенах, – холодно сказала она. Он не нашел, что возразить. Адриана продолжала: – Это еще не все. Люди Визе знают, где ты, и пока что тебя побаиваются. Но к Визе идет с большими силами Мутан из Брика. Вместе они возьмут город, и тогда пусть Бог вам поможет!

Вельф Аскел вскочил.

– Откуда ты знаешь?

– Уши у меня есть или нет? Или я слеп? Я же не по воздуху сюда шел…

Он опять хмурился, глядя на нее.

– Кто сеньор Книза?

– Никто. Мы – вольный город.

– Болваны. Лезете на рожон за свои вольности. А город должен иметь сильного защитника.

– Вот ты и будь им.

Он бросил ей ладанку, которую до того держал в руках.

– Сиди, отдыхай. Не до тебя мне теперь.

– Так что же? – В карих глазах блеснул злой огонь. – Если нет – нет, так и скажи, я пойду, меня с ответом ждут!

– Ты, щенок! Разве такие дела так решаются? Горожане чертовы! Войско – не человек, развернулся и дунул в другую сторону! Сиди, говорят тебе! Жрать, наверное, хочешь? Не отвечай, сам вижу. Скажу, чтоб принесли. Сиди… Странник.

Он вышел. Адриана уселась на ковер, уткнув подбородок в колени. Новое имя было за ней утверждено. Но торжественность этой минуты не была оценена ею по достоинству.

Так-то оно так, но когда ей принесли завернутый в тряпицу круглый хлеб, полкурицы, две сушеных рыбки и флягу с вином, ей стало не по себе, ибо еще до осады она отвыкла есть досыта. Хлеб Адриана съела тут же, стыдясь своих прыгающих рук, – слава богу, никто не видел, – и отпила вина, остальное связала в узелок и улеглась спать, сунув узел под голову, – в любом случае ей предстояла обратная дорога, нужно было набираться сил. Сытость сморила ее сильнее вина. Когда Адриана проснулась, было темно, и ей снова хотелось есть. Она сунула руку в узел, отломала куриную ногу и принялась ее обгладывать. За этим занятием и застал ее вернувшийся Вельф.

– Мясо лопаешь? – сказал он. – А сегодня ведь пятница, постный день.

– У нас в городе уже давно каждый день – пятница, – проворчала Адриана. – Ты решил что-нибудь или нет?

– Не спеши, парень, больно уж вы скорые у себя в Книзе. Сейчас убирайся отсюда, надо будет – за тобой пошлют.

Она поднялась, подхватила узелок и шагнула к выходу. На снегу стоял с факелом оруженосец Вельфа, здоровенный детина по имени Ив, и толпились еще какие-то люди, числом не менее десятка. По золотым пряжкам их плащей можно было догадаться, что это не простые воины, а их угрюмые бородатые лица показались Адриане в сумраке похожими друг на друга. За ее спиной Вельф произнес: «Это и есть тот самый гонец», и все, тяжело ступая, вошли в шатер.

Дальше была ночь, катившаяся как-то сама по себе. Адриана села у ближайшего костра, ее приняли в круг, пошли какие-то свойские разговоры, никто ее особенно не расспрашивал, все было, как в орденском лагере, и она вспомнила, что и раньше все солдаты казались ей одинаковыми. Обсуждались начальники, назывались имена рыцарей – Джомо Медведь, Саул Лошадиная Грива, какие-то Халкис и Грегор. Иногда она вступала в разговор, порой засыпала, и все выглядело так, как будто так и надо – свой человек у своего костра, а ведь ей было хорошо известно, как все всегда жестоко обходятся с новичками, но то ли вид у нее за последнее время стал бывалый, то ли еще что. Она не задумывалась, почему люди все время ей верят, хотя она постоянно лгала или умалчивала, – не задумывалась, ей было не до того, но дело обстояло именно так. Из рассказа одного из своих собеседников Адриана поняла, что сделала-таки крюк по лесу, взяв лишнего к западу, когда нужно было идти севернее, и оставила себе это на заметку.

Ночь подходила к концу, когда долговязый Ив подошел и дернул ее за плечо.

– Вставай, – сказал он, – зовут.

Но не успела она сделать несколько шагов, как сам Вельф вышел к ним навстречу. Был он мрачен, но смотрел без злобы.

– Слушай, Странник. Отправляйся сейчас в Книз и передай Арнсбату – пусть постарается продержаться дня четыре – пять… Хотя нет, два дня у тебя уйдет на дорогу.

– Три.

– Поедешь верхом. Значит, пять дней, начиная с сегодняшнего. – Он отвернулся. – Горожане… вояки… с бабами вам воевать. Ладно, чем смогу – помогу.

– Прощай. Спасибо тебе.

– А тебе – удачи.

Адриана удивилась.

Этих слов она не ждала. Тем более – от этого человека. Но пора было уже в дорогу. Все было готово. Нашли старую кобылу – в обозе, ибо всякий истинный воин считает для себя позором ездить на кобыле. К луке седла была привязана плотно набитая сумка – что там, смотреть Адриана не стала. («Однако широкий человек этот Аскел! Или вспомнил про пятницу?») Пройдя караулы, Адриана с трудом вскарабкалась в седло – ни за что бы не

призналась она в своем неумении ездить верхом, счастье еще, что у ее иноходца оказался смирный характер – нахлобучила шапку и с тем отправилась в обратный путь.

«С бабами вам воевать», – вспомнила она и усмехнулась. Вернее сказать, у нас воюют бабы. Однако на Аскела она не обиделась – ведь он обещал помочь, к тому же, как создалось у нее впечатление, против воли остальных. С непривычки, да еще при тряской рыси, у нее скоро разломило ноги, и она поняла, что временами придется спешиваться и отдыхать. Вообще-то она с удовольствием пошла бы пешком, но надо было спешить, и Адриана понукала кобылу, не зная, как ее зовут, и называя просто «Скотина».

С рассветом она выехала на просеку, о которой ей рассказали. Здесь снег был не такой глубокий и не приходилось плутать между деревьями. Говорят, от Вильмана есть прекрасная мощеная дорога, проложенная еще в языческие времена. Увы, она ведет совсем в другую сторону, а эта – прямо на юг. С такими мыслями она поспешала, ударяя пятками в лошадиные бока, согреваясь питьем из фляжки, радуясь успешно выполненному поручению и постепенно обретая полную беспечность относительно своего дальнейшего продвижения, что было явным признаком того, что удача, сопровождавшая ее от Книза, отстала где-то в пути.

Это случилось ближе к ночи, и опасность почуяла не Адриана, а лошадь. Смирная и спокойная, кобыла вдруг заплясала на месте, вскинулась так резко, что Адриана чуть не вылетела из седла, и дико заржала. И когда слева из-за деревьев выбросились на просеку серые и рыжие тени, Адриана поняла, что случилось, и тело ее свела судорога ужаса. Ибо именно этого она не ждала, об этом-то и забыла. Ведь по дороге из Книза она даже не видела волков, только слышала вой – и на этом успокоилась. Ан нет.

Ах, дура я, дура безмозглая! Зачем согласилась ехать верхом? Влезла бы на дерево – и все, а Скотину на дерево не втащишь. Но теперь рассуждать было поздно, и это сожаление проскользнуло в ее мыслях, когда она скакала во весь опор, насколько позволял снег. Звери безмолвно неслись за ней. То есть, конечно, не так уж они были и безмолвны, но за шумом собственного прерывистого дыхания Адриана не слыхала ничего. Было уже совсем темно. Кобыла проваливалась в снег по самое брюхо, Адриану все время потряхивало, и она почти вываливалась из седла. Колени, которыми она изо всех сил сжимала лошадиные бока, совсем задеревенели, однако она не ослабляла хватки, зная, что будет, если она не удержится. А проклятое зверье все не отставало. Кобыла же, наоборот, замедляла бег, сколько ни подгоняла ее неопытная наездница. Проклятье! Они будут гнать ее по бездорожью, пока обессиленная лошадь не падет, и тогда… Выхватив нож, Адриана дважды кольнула кобылу в шею. Та с громким ржанием рванулась вперед. Но и стая при виде уходящей добычи, казалось, удвоила силы и вновь настигала.

– Господи боже! Сука! – с отчаяньем заорала Адриана, уже не понимая, что кричит. В это мгновение огромный матерый волк, вырвавшись вперед, прыгнул к горлу лошади, но его встретила рука Адрианы с ножом. Полуобернувшись в седле, она ударила волка в глаз. Тот упал к ногам лошади, которая, храпя, поднялась на дыбы. Адриана удержалась каким-то чудом, вцепившись левой рукой в поводья, и с яростью полоснула ножом по лошадиному крупу. Стая, рыча, кинулась к трупу вожака. Теперь они отстали надолго, и все же Адриана продолжала гнать вперед и вперед, пока перед ее глазами не замелькали белые пятна, деревья расступились, и она увидела себя на опушке. Бросив поводья, она сползла на снег. Лезть на дерево у нее уже не было сил. Она обломала несколько веток у ближайшей ели, почти теряя сознание от усталости, положилась на чутье лошади и, свалившись на груду лапника, проспала несколько часов.

Когда она открыла глаза, два ощущения, уже привычных за последнюю неделю, пронзили ее тело – лютая боль во всех мышцах и не менее лютый голод. Стиснув зубы, она заставила себя встать на ноги и сделать несколько шагов. Повернуть голову ей было не легче,

чем волку. Кобыла бродила между деревьями. Когда Адриана подошла к ней, она испуганно шарахнулась в сторону – видно, не могла забыть уколов ножом.

– Ну, ну, стой спокойно. – Адриана поймала поводья, погладила Скотину по холке. Она продолжала дрожать. Раскрыв седельную сумку, Адриана достала каравай хлеба. Глотая слюни, откусила от него и, отломив большой ломоть, поднесла к лошадиной морде.

Хлеб пришлось Скотине скормить весь – к вечеру нужно было быть в Книзе. Затем сама Адриана перекусила и согрелась остатками вина. Боль продолжала ломать ее, но странное дело – в седле вдруг утихла. Адриана подумала, что из-за ночной скачки, если только не сбилась в другую сторону, проделала большую часть пути, чем предполагала, и может подъехать засветло. И опять придется шнырять вокруг городских стен. Все равно надо ехать. Что-нибудь придумаю. Плотно сидя в седле, она высоко вскидывала голову, словно вынюхивая запах дороги в носившихся над ней ветровых потоках. На равнине одиночество ощущалось еще сильнее, чем в лесу. Там она была одна, потому что никого не было видно, здесь – одна, потому что никого не было. Только эти кривые холмы и низкое, плоское серое небо. Тоска…

Спускаясь с очередного склона, она увидела среди белого снега широкую серую полосу и радостно перекрестилась. Веда, голубушка! Это было не то место, где она переправилась в прошлый раз, но из леса она тоже вышла в другом месте. Что-то говорило ей – она едет правильно! Значит, уже скоро. Странный звук – копыта зацокали об лед. Адриана, напрягшись, привстала в седле, посмотрела вперед, и, внезапно, громкий глухой треск, толчок – и она полетела вниз и в сторону. Лед треснул, и кобыла провалилась в полынью. Адриана, при падении вывалившись из седла, ударилась об лед, левой ногой запуталась в стремени. Распластавшись, она попыталась перевернуться набок, однако нога, казалось, застряла намертво. Она елозила, лед трескался и обламывался, и погружавшаяся лошадь неотвратимо затягивала ее за собой. От ужаса заложило уши. Последним диким усилием Адриане удалось высвободить ногу, и она поползла, поползла, не оглядываясь на исчезающую в черной воде лошадиную морду.

Потом она долго лежала на животе и ела снег. Это было хуже всего – хуже разбойника, хуже волков. Такая смерть… дурацкая… без лица… Наверное, она уже не сможет двинуться с места, не подымется… И все-таки она поднялась и пошла, побрела, и сперва походка ее была заплетающаяся, а потом все более твердой. Ладони у нее закоченели, и она сунула их под мышки, чтобы согреть. Встряхивала головой. Уговаривала себя – ну, еще немного… Бедная Скотина… Как-нибудь… На холм, потом с холма, потом снова на холм, а со следующего холма, может быть, увижу городские стены…

Со следующего холма она увидела нечто такое, от чего у нее подкосились ноги, и она упала на колени в снег. Это были городские стены и багровое зарево над ними.

Штурм начался еще ночью, и на рассвете орденским войскам удалось прорваться в город сквозь пролом в стене. Но до полной сдачи было пока далеко. Бои шли на всех близлежащих улицах. Кроме того, нападающие рассеялись, ибо, очутившись в городских стенах, сразу начали врываться в дома, насилуя и грабя. Окраинные кварталы занялись почти мгновенно – там не было каменных построек. Горожане возводили баррикады. Стенобитная машина ордена, уже сыгравшая свою роль, застряла в одном из узких переулков. Проходили часы, а Книз все еще продолжал сопротивляться. Наконец Визе удалось собрать людей и пробиться почти к самой главной площади. Путь к ней преграждала огромная баррикада. Там ждали последние защитники Книза – обескровленные, изуверившиеся во всем, жаждущие только одного – умереть с оружием в руках. Но у Генриха Визе был большой опыт по части взятия городов. Он знал, как можно победить и таких людей.

Улица горбатилась криво. На изгибе ее торчала полусгоревшая часовня. И с той и с другой стороны молчали. Там, где выстроились, загородившись щитами, пехотинцы, воз-

вышались два закованных в латы всадника – высокий, тощий Мутан, носивший поверх лат коричневую рясу, и Визе. Внезапно, так же молча, строй расступился и из проема вытолкнули шестерых. Одного из них знал весь город – это был Хайнц, другой – белесый юноша с окровавленным лицом, у обоих руки были скручены за спиной. Беременная женщина, босая и простоволосая, и цепляющиеся за ее юбку дети – девочка лет пяти и мальчик лет трех. А за ними – трое крепких, сильных, в красных колпаках и куртках из буйволовой кожи.

Мужчин убили первыми. Свалив их на землю, им поначалу выкололи глаза, потом отрубили руки, потом ноги, потом головы.

За баррикадой молчали. Только слышно было, как всхлипывает женщина. Затем двое схватили ее за руки.

– А-а, проклятые! – закричала она. Все взгляды сошлись на ней. На боковые улицы никто не смотрел. Ее запрокинутое тело выгнулось дугой. И один из палачей, взмахнув двуручным мечом, распорол ей живот. Она упала, но еще продолжала кричать, корчась на мостовой. Книзцы не выдержали. С завала прыгали люди, размахивая дубинами и топорами. Но Визе взмахнул рукой, лучники спустили тетивы, и горожане падали на бегу. Латники взяли копья наизготовку, и одновременно упали головы детей.

Захрипела труба. На вершине завала показался изможденный заросший человек.

– Сдавайся, Арнсбат, – сказал Визе. – Или с вами всеми будет то же.

Снова повисла тишина, которую оборвал жуткий, срывающийся крик:

– Не сдавайтесь! Вельф Аскел идет к вам на помощь!

Все остолбенели, потому что голос раздавался ни с той, ни с другой стороны, а словно бы с неба. Кое-кто из орденцев закрестился. Но Визе успел заметить какую-то тень в окне часовни. Он отдал приказ, несколько стрел влетели в окно, однако вопль продолжал звенеть над улицей:

– Конница Аскела нынче же будет здесь! Помощь близка! Не сдавайтесь!

И, словно по сигналу, горожане ринулись вперед, невзирая на встречный град стрел. В отчаянном порыве им удалось отбросить солдат ордена, но у городских ворот те вновь сомкнулись и пошли в наступление.

То, что творилось в Книзе в последующие часы, можно было определить одним словом – ад. Сгустились сумерки, наступила ночь, а бой все продолжался. Навстречу окованным медными листами щитам летели камни. Отовсюду слышались крики и стоны. Рубились в домах, на крышах, в переулках. Лишившийся оружия стремился зубами вцепиться в горло врага и умирал на его трупе. Так, в огне пожаров, в лихорадке ненависти, в предсмертных хрипах проходила ночь, и над всем этим падал легкий весенний снежок, ибо силам небесным не было никаких дел до людских междоусобиц. И когда уже казалось, что разгулу меча и огня не будет конца, Вельф Аскел подошел к городу.

Достоверно одно – Генрих Визе узнал об этом гораздо раньше защитников Книза. Быстро осознав изменившееся расположение сил, он бежал с частью верных людей, бросив город, Мутана и его отряд. При первом же столкновении божий брат был зарублен Вельфом. Пока аскеловская конница гонялась за отступающими орденскими войсками, добивая обессиленных и рассыпавшихся пехотинцев, горожане с последней яростью набросились на тех, кто еще оставались в Книзе, обирая и оскверняя трупы, хватая пленных, чтобы предать их мучительной казни.

И тогда в слабом свете наступающего дня на площадь из бокового переулка, шатаясь, на негнущихся ногах, с обломком меча в руке вышла Адриана. Слепая злоба и ненависть, неожиданная изворотливость, дававшие ей силы проникнуть в город и принять участие в бою, медленно оставляли ее. После того, что она увидела, стоя в окне часовни, ее охватило единственное желание – бить, убивать, иначе она задохнулась бы. Всю ночь она сражалась, и в каждом противнике видела одного – коренастого, кривоногого человека, от которого когда-

то стояла на расстоянии вытянутой руки с ножом. Ее одежда и руки были забрызганы кровью, шапку она давно потеряла в свалке, но на теле ее не было ни царапины. Невредимой выбралась Адриана из кровавой каши. Опять и опять невредимой.

Теперь она не знала ни что ей делать, ни куда идти, ибо выполнила свое предназначение. Она брела без цели, как сомнамбула, не в состоянии ни радоваться победе, ни оплакивать погибших, перешагивая через трупы. И тут из грязи у ее ног взглянули на ее знакомые светлые глаза. Она нагнулась, сразу обретя прежнюю ясность мыслей.

Арнсбат умирал – это Адриана поняла тоже сразу. Горло его было пробито стрелой, и на губах пузырилась кровавая пена. Говорить он не мог, но взгляд его был осмыслен, и он узнал ее.

– Вот… – сказала она. – Я сделала, что смогла. Я их привела. Город свободен, слышишь?

Он все смотрел на нее, и во взгляде его Адриане почудилось нечто странное. Может быть, ему просто больно?

– Сейчас я тебе помогу, – заторопилась Адриана. Она знала, что стрелу выдергивать нельзя – иначе он сразу умрет, а так оставлять… Ей даже в голову не приходило позвать священника, да и где бы она его нашла сейчас?

– Унести тебя отсюда?

«Да», – сказал его взгляд.

Отшвырнув обрубок меча, который она все еще продолжала сжимать, Адриана подхватила умирающего под мышки – взвалить его на спину у нее не было сил – и поволокла. Куда – домой или в ратушу? Она оглянулась. В ратушу было ближе. Пятясь, она протащила Арнсбата по площади, по двору, – вокруг никого не было видно – толчком плеча приоткрыла тяжелую дверь, которая, к счастью, оказалась не заперта, протиснула тело Арнсбата, оттягивающее ей руки. Уложив бургомистра на пол караульной – дальше Адриана не смогла идти, – она встала рядом на колени. Он все еще был жив и в сознании. Его лицо было мокро – от слез, или пота, или просто талого снега. И он так же странно продолжал смотреть на нее, точно видел что-то скрытое от взора Адрианы.

– Сейчас я тебя перевяжу, – она обращалась к нему на «ты», так же, как к Визе и Аскелу. – Не бойся… ничего не бойся, – говорила она, мучительно размышляя, как же действительно ему помочь.

Глядя ей в лицо, Арнсбат попытался приподнять правую руку – один бог знает, чего это ему стоило – не то хотел благословить Адриану, не то просто на что-то показывал – и тут же уронил, хрипя. Кровь хлынула у него изо рта. Адриана дотронулась до его руки. Потом с усилием вырвала стрелу – теперь это уже не имело значения. Спокойно, одним движением ладони закрыла Николасу Арнсбату глаза, сложила руки на груди и, завершая обряд, сняла с себя цепочку с мощами – ту самую оберегу, которую Арнсбат отдал ей и которая охраняла ее в пути, а сам хозяин… – и надела на шею мертвеца.

Теперь она сделала все, что надо. Адриана поднялась на ноги. Страшно хотелось пить. Уже сутки у нее во рту не было ни капли воды, только мерзкий привкус крови. Она знала, что под лестницей караулки стояла бочка с водой, может быть, там осталось… Адриана заковыляла к лестнице. Бочка была там, и полна почти до половины, и вода не затхлая. Девушка зачерпнула обеими руками, и, пока заглатывала воду, перед ее внутренним зрением промелькнул какой-то чужой образ. Она вновь нагнулась над краем бочки, протянув ладонь, и на этот раз увидела свое отражение. Посмотрела и ударила по нему кулаком. Видение распалось. Черт, померещилось… Или нет… Она опять заглянула в воду, когда рябь утихла, потом отбросила с затылка волосы на лицо, разгребла их руками. Так и есть! Под лестницей было темно, но, несмотря на это, среди рыжих волос отчетливо выделялись широкие белые пряди.

Ухватившись за скобу бочки, Адриана съехала на пол и села, прислонившись к лестнице. Где-то в глубине сознания назойливо вертелись слова какого-то римского историка: «Голову одного человека, у которого были рыжие волосы с проседью, он довольно остроумно назвал «мед, смешанный со снегом»…» Седая прядь свисала прямо на глаза, Адриана заложила ее за ухо. Да…

Цепляясь за стену, она встала. Во дворе ясно слышались громкие голоса, с грохотом хлопали двери, звенела амуниция. Вот оно что… в городе конница, караульню занимают… Больше ей тут нечего делать. Адриана медленно – торопиться было уже ни к чему – пошла к выходу. Мимо, не обращая на нее внимания, с топотом прошли какие-то люди, переговариваясь на ходу. Хотя их грубые голоса отдавались во всем здании, Адриана совершенно не вслушивалась в смысл разговора. Она устала.

Девушка спустилась во двор. Конюхи переругивались, привязывая лошадей. Снег перестал, небо было ясным. Не глядя по сторонам, Адриана продолжала брести своим путем, и вдруг услышала:

– Странник!

Она обернулась, хмуро поискала глазами, кто бы мог это крикнуть. На высоком крыльце ратуши стоял Вельф Аскел, без шлема, в плаще поверх лат.

Она подошла поближе, пробормотала: «Будь здоров».

– Арнсбат убит, – сказал Вельф.

– Я знаю.

– Хочешь теперь служить мне?

– Хочу.

– Тогда слушай. Нам придется задержаться здесь еще на некоторое время – неизвестно, что еще придумает орден. Я давно жду известий от графа Лонгина, но он, видно, заплутал между лесом и Старыми болотами. Разыщешь его. Объяснишь, в чем дело, и велишь, моим именем, поспешить на запад, чтобы до того, как вскроется Гай, мы могли встретиться у монастыря Всех Святых. Если что задержит его – вернешься и принесешь ответ. На гонца ты не похож, оно и к лучшему во время войны. Но чтоб поверили тебе, дам – не талисман свой, нет у меня талисмана, кроме меча, – печать, которую даю моим доверенным. Держи.

Он протянул ей свинцовый кружок на коротком прочном шнурке. Адриана зажала печать в кулаке, не разглядывая. Она было немногим больше серебряного динария.

– Тогда я пойду, – сказал Странник, – зачем терять время?

Авентюра вторая. Печать и кольцо (август – сентябрь 1107 г.)

Путь твой грядущий – скитанье…
А. Блок. Роза и крест

Склонявшееся к закату лето было жарким и влажным. Все обещало изобильный год еще с апреля, и обещания эти сбывались.

Над Великим лесом тихо шумел блаженный покой. Воздух застыл, и не пели птицы. Из темной чащи неслышно вышел человек, сел на поваленное дерево, снял с плеча дорожную котомку и взглянул на небо. Человека звали Странник.

Три с лишним года прошло со времени осады Книза, и три с лишним года Адриана находилась на службе у Вельфа Аскела. Впрочем, говорить «Адриана» было бессмысленно. Адриана осталась там, в разоренном городе, полководцу служил Странник, наемный лазутчик, шпион и гонец по мере надобности. Между ним и Адрианой не было ничего общего. Настолько ничего, что за все годы никто не догадался, что в шкуре Странника обретается девушка. И то: Адриана была никчемным, жалким и неприспособленным к жизни существом, Странник – бесконечно ловким и умелым. Адриана была слаба, Странник – силен. Он был неутомим в ходьбе, отличный наездник, плавал как рыба. Правда, при железном здоровье с ним порой случалась лихорадка – следствие того, что два года назад он восемь дней безвылазно блуждал по Виндетскому болоту, следя за Рупертом Ронкерном, тайно сговаривавшимся с орденом. Но от лихорадки не умирают, да и редко это случалось, так что на здоровье Странник не жаловался. Впрочем, он вообще ни на что не жаловался. Давно исчезли прежние лохмотья. Ношеная, ровно залатанная куртка с капюшоном из лауданской шерсти, из той же материи штаны, холщовая рубаха, мягкие короткие сапоги – весьма поношенные, зато не трут ногу. Неизвестно, слуга ли из хорошего дома, ремесленник или паломник, но каждый при первом взгляде подумал бы: вот человек бедный, но честный, – а второго взгляда Странник обычно избегал, что никак не свидетельствовало о недостатке храбрости. Правда, Адриана тоже не лишена была смелости – тому свидетель покойный Хайнц, как говорил он покойному Арнсбату. Но Адриана воевала неумело и добросовестно, как делала бы любое порученное ей дело, а Странник был хитер и изобретателен. И крайне осторожен. Ибо основным его занятием была разведка, а он придерживался того мнения, что лучший разведчик не тот, который ушел от погони, а тот, за которым погоню не посылали.

Затем, у Адрианы было прошлое – родители, детство, дом возле площади. Странник был всего этого лишен – он жил только насущным днем, а будущее существовало настолько, насколько имело реальную опору в настоящем, следовательно, настоящее и будущее были едины. Зато Странник был одарен тем, чего начисто была лишена болезненно застенчивая и косноязычная Адриана, – умением привлекать к себе людей. Как это у него получалось – бог весть. Разумеется, сюда входил и талант в нужный момент попадаться на глаза, и то, что Странник мог заставить считать себя необычайно полезным и незаменимым. Но не это было главное. Он вызывал доверие. Временами он бывал красноречив в каком-то странном стиле – не воинском (Вельф), не купеческом (Арнсбат), и не схоластическом, и не простонародно-балагурском, но он заставлял себя слушать – и верить. И не только храбрость была причиной тому, что он из простых слуг стал одним из ближайших доверенных лиц своего хозяина, так что обращался к нему не «господин», а просто по имени. Конечно, он оставался слугой, подчиненным, но и другом в то же время. Казалось, вместо талисмана Арнсбата он

получил другой, невидимый, которому трудно подобрать имя. Обаяние? Удачливость? Хитрость?

И тем не менее Адриана и Странник были одним и тем же человеком. И забывать об этом не стоило. Менять теперешний образ жизни ей очень не хотелось. Разумеется, мог возникнуть вопрос – как Адриана, столь дорожившая в нищете своей свободой, могла променять ее на рабство? Странник же говорил себе: «Если уж мир устроен таким образом, что без рабства не обойтись, я выбираю тот вид рабства, который обеспечивал бы мне наибольшую свободу». Кроме того, Странник служил Аскелу по внутреннему побуждению. Ведь Аскел служил королю. А королевство должно быть единым. Король прижмет хвост ордену, и прекратятся свары между баронами и прочая чертовня. Так думают лучшие люди государства, и Вельф в том числе. Но это дело далекого будущего, и будь Странник только Странником, на этом можно было бы и успокоиться. Однако Странник был еще и Адрианой. Когда Адриана поступила на службу к Вельфу, ей было пятнадцать лет. Теперь дело шло к девятнадцати, и в дальнейшем ее внешность не могла бы не вызвать подозрений, и было совершенно ясно, что скоро придется распроститься со Странником. Как это сделать, она еще не знала, но отчетливо представляла, что сделать это придется, и – без лишнего шума. Просто исчезнуть. Понятно, что в такой ситуации дружба Вельфа могла ей только мешать. Вообще она старалась как можно меньше думать на эту тему. Вельфа она уважала, но в ее отношении к нему был покровительственный оттенок, ибо за его полководческими талантами, быстротой ума, жестокостью она угадывала почти младенческое простодушие, абсолютно чуждое в общем-то сухой и расчетливой натуре Странника (будь она иной, Странник не прожил бы и полугода), и не раз использовала это простодушие в своих целях. Да не сочтут Странника всего лишь хитрым рабом, обманывающим своего господина! Он не мог поступить иначе. Да и корыстна была только Адриана, которая всегда знала, что ей придется уйти, и не могла не позаботиться о будущем. Странник же был абсолютным бессребреником. Ему вообще ничего не было нужно: ни денег, ни прочих милостей. Аскел же в это время начинал играть все большую роль при короле, а вместе с ним неминуемо должен был выдвинуться и Странник, а сделать это можно было только на воинской службе, чего Странник и стремился по возможности избегать. Тут объединялись и Адриана, и Странник: Адриана – по вполне понятным причинам, Странник, как разведчик, стремился остаться в стороне, огласка была ему не нужна. Для того он и отказался от службы гонца, и вообще делал все, чтобы его знало как можно меньшее число людей. До сих пор удавалось убеждать Вельфа, что в качестве разведчика Странник будет ему наиболее полезен, но что будет дальше – неизвестно. И все же Адриана постоянно отгоняла мысль об уходе, точнее, все время повторяя про себя: «Не всегда же это будет продолжаться», всячески оттягивала этот момент. Но она всегда верила в возможность выхода, и, хотя не было человека, менее склонного к иллюзиям, ее излюбленным выражением было: «Ничего, как-нибудь выкрутимся». А пока что надо делать свое дело.

Она отдыхала, глядя на небо, и в душе ее царил мир. Но, как ни приятно было это состояние, солнце уже давно перевалило на вторую половину дня, и лишь сознание того, что оставалось меньше одного перехода, давало ей право на полчаса безделья. Она вовсе не устала. Просто ей было приятно смотреть на прозрачный колышущийся воздух, ощутить телом едва уловимый ветерок. И ни единой души…

Синие стрекозы, летевшие стайкой, почти ткнулись в ее лицо, когда она подымалась. Даже лесная тень не могла полностью победить духоту. Она без сожаления покинула прогалину. Пора было уже думать о другом.

Она легко перебиралась через поваленные стволы, уклоняясь от торчащих сухих сучьев. На палых листьях не оставалось следов. Уши ее внимательно ловили каждый звук. Она почти не отвлекалась на выискивание внешних примет, так как места были ей хорошо знакомы, могла бы не слишком таиться – шла к людям, знавшим ее в лицо – но все же пред-

почла бы, чтоб ее здесь никто не видел. В особенности посторонние. Да и своим лучше не знать, с какой стороны она пришла. Люди в этих краях бывают крайне редко, однако лучше соблюсти осторожность.

Никто не появился. Только заяц пробежал между деревьями, да дятлы в сосняке продолжали свою музыку.

Уже когда вечерняя роса пала на траву, Адриана приостановилась. Она учуяла еле уловимый запах дыма. К нему примешивались еще какие-то запахи, свойственные человеческому жилью. А это означало, что Странник добрался до ближайшей цели своего путешествия – дома Нигрина.

Нигрин, данник Ронкерна, вольный хлебопашец, самовольно захватил участок земли в лесу. После того он, разумеется, мог ждать от своего сеньора только худшего, что и побудило его перейти на сторону Аскела. Это произошло до поступления Странника на службу, и потому жилище Нигрина он отыскал не сам, на него указал его господин.

Странник не спешил. Он обождал, хоронясь за деревьями, пока не вернулись из леса трое сыновей Нигрина – белобрысые, с вымазанными сажей лицами, – двое взрослых парней и один подросток. Они прошли, не заметив Странника. Вышел на крыльцо сам Нигрин, сутулый, жилистый, с длинными руками и с клочковатой седой бородой, вислоусый. Он нес под мышкой точильный брус. Поставил его под навес, разогнулся. И только тут Странник, не таясь, вышел из своего укрытия.

– А вот и Странничек к нам пожаловал, – сказал Нигрин тем мнимошутливым тоном, который был лазутчику хорошо известен.

– Здравствуй, Нигрин, Бог тебе в помощь, – ответил Странник, перепрыгнув через жерди ограды.

– Здравствуй и ты. Что ж не спросил, нет ли в доме чужих?

– И без того вижу.

– Следил, что ли? Нехорошо.

– Без того пропал бы.

– Ну бог с тобой. Проходи, ужинать будем.

Они вошли в дом. Сидевшие там парни – на лавке двое и на полу один – склонили головы. Странник также поздоровался, однако капюшона не сдвинул. Он не любил, когда глазели на его седые лохмы. Это была весьма опасная примета – и без того рыжие легко запоминаются, а уж если они наполовину седые… И все же в самой глубине души Странник гордился своей сединой, считая ее вроде бы знаком своей избранности – в то же время не забывал об осторожности.

Он сел за стол, оглянулся. Все здесь было ему знакомо: низкий потолок, узкое окошко, земляной пол, запах дыма – сколько он таких домов перевидал.

– Ну, как хозяйство? Новый участок, как погляжу, выжигаете?

– Верно. Ничего, не жалуемся… только кто знает, что будет?

Разговаривал со Странником один Нигрин. Своих детей он приучил раскрывать рот только по приказу. В голосе его насмешливость мешалась с почтительностью. Таким же было и его отношение к Страннику: молокосос, а надо же, как выдвинулся!

Нигрин перекрестился:

– Благословясь, приступим. Девка, подавай!

Из угла показалась его дочь. Нигрин был вдов, и она вела дом. Странник понятия не имел, как ее зовут, хотя отлично помнил имена сыновей Нигрина: Клеменс, Мартин и Матис. Девушка поставила на стол кувшин с молоком, миску каши, вынесла каравай хлеба и кусок окорока – Нигрин был зажиточен – и села в стороне, ожидая, пока поедят мужчины.

Отужинали, как водится, не спеша, в молчании. Потом Нигрин собрал крошки с бороды.

– Теперь говори – с делом пришел или просто слушать?

– Сначала послушаю, а там видно будет.

– Думаешь, засел я в лесу и ничего не знаю? И про войну не знаю?

– Вот и славно. Только что ты про нее знаешь?

– Посылал я Мартина в Гернат на ярмарку… ну, и посмотреть чего… пусть сам расскажет. Да говори ты, не бойся! – добавил он, поскольку парень не спешил начинать.

– Мед я продавал… возле замка. На святого Никодима было дело. Ну и приезжал туда этот… барон Лотар – так?

– Королевский кравчий?

– Он.

– А Гернат с давних пор за разделение. Чуешь, Нигрин, чем дело пахнет?

– Воняет, брат.

– Это все?

– Нет. Забыл сказать – еще раньше в замок приезжал комтур Визе.

– Тоже поганец, – заметил Нигрин. – Слыхал, Странник, про такого?

– Было дело, – углы его рта растянулись. «С чего это он улыбается?» – подумал Нигрин. – И он, значит, встречался с Лотаром?

– Вроде так. Один писарь кричал в корчме, будто Визе какую-то хартию повез Великому Магистру. Хотел я еще его поспрошать, да так больше и не встретил.

– Ну, царствие ему небесное, остолопу… Хотя не больно-то они берегутся. Думают, раз король в Лауде… – Он немного помолчал. – Выходит, орден собирается в открытую пойти против короля. Теперь что?

– С Мартином все. Клеменс.

– Ходил на дальнюю вырубку. Четыре дня тому. Видел вооруженных. Сотен пять пеших и две – конных. Долго шли.

– По какой дороге?

– На Вильман. С севера.

– Знак какой на щитах?

– Кабанья голова и крест.

– Гернатовцы. Все к тому идет. У Лотара лен в горах. Там и замок его. Соединяются. Если перевал закроют, король окажется в ловушке, а коли еще подоспеет орден… Вот что, Нигрин, – вести твои важные. Но покоя тебе не будет. Завтра же снарядишь одного из парней к Аскелу.

– А сам-то?

– Моя дорога – в другую сторону.

– А работать кто будет?

– Ничего, не надорветесь. Пошли хоть Матиса. Двое твоих сыновей уже потрудились, пусть и третий не в стороне остается. А за эти вести Аскел его наградит, как бог свят.

– Наградит? Хорошо, если живым отпустит. Только кто ему поверит, щенку, молокососу?

– Поверят. Найдется у тебя в доме кусок холстины ладони в три?

– Такой-то? Эй, девка, слышала, чего гость требует?

Девушка соскочила с лавки, забегала, наконец принесла половину старого платка, поклонившись, подала Страннику. Тот в ответ взглянул ей в лицо, увидел широко раскрытые глаза. Она никогда не покидала леса, каждый захожий был для нее диковинкой. Нигрин так мало считался с ней, что не выгонял, когда решал свои дела.

«Она не старше, чем я в Книзе… или нет, чуть постарше? Что ее ждет в доме, где ее заставляют ежечасно гнуть спину и не ставят в грош? Бедняга. Ведь она же ничего не видела. Не мудрено, что на чужака она смотрит, как на апостола. Но если б у нее хватило смелости,

она могла бы бросить все и уйти. Каждый решает сам за себя, а не ждет спасения. Дура». И Странник перестал ее жалеть.

– А теперь выйдите-ка все, погуляйте. Все, я сказал.

Потом он выглянул в окошко – не поглядывают ли, черт их тут знает, этих лесовиков, и на всякий случай заткнул его валявшейся на лавке курткой. Вытащил из-за голенища свое оружие – кинжал-панцербрехер, изделие испанских мастеров, взятый в Вильмане у Менассе. Снял сапог и достал из тайника в подошве небольшой круглый предмет. Печать Странник всегда прятал не только от врагов, что само собой разумелось, но и от своих – зачем лишний раз вводить людей в искушение? Он любовно провел ладонью по поверхности печати. На ней был изображен щит, поддерживаемый лежащим зверем. Предполагалось, что это леопард, хотя Страннику он больше напоминал волка. Подойдя к печи, Странник ткнул печатью в сажу, а затем приложил ее к развернутой холстине. На ткани появился непонятный зверь, только повернутый в другую сторону. Спрятав печать, кинжал и обувшись, он вытащил из пояса воткнутую в него иголку с ниткой, сложил тряпицу пополам и зашил по краям. Распахнув дверь, крикнул:

– Эй! Не уснули там еще?

Нигрин и прочие вернулись.

– На, возьми себе вместо портянки, – сказал Странник, протягивая тряпку Матису, – доберешься до Аскела – распорешь и покажешь. И не раньше. Не то худо тебе будет.

Ответил Нигрин:

– Ладно, послушаю тебя, Странник, в последний раз. Пошлю Матиса, все равно пользы от него никакой, так пусть хоть королю послужит. Вы! Ложитесь спать! Мы тут со Странником на крыльце посидим, покалякаем.

Подходила пугающая лесная ночь, полная тайной жизнью, не бывшей, однако, тайной ни для молодого, ни для старого, сидевших на приступке.

– Скажи-ка мне, Странник, ради чего ты все стараешься? Ради короля? Он, поди, и не слыхал про тебя.

– Верно. Не слыхал.

– Каждый защищает свое, кровное. Крестьянин – землю. Рыцарь – феод. Король – королевство. Ну, а ты-то бродяга, за что держишься? За Аскела?

– И за него тоже. И за тебя, и за себя, и за всех людей.

– Что-то не похож ты на святого.

– Я и не святой, хотя и странник. А хочу я, чтоб война наконец кончилась и чтоб жизнь стала полегче.

– Чья жизнь? Твоя? Моя?

– Моя жизнь и так легкая. Да и твоя не ахти как тяжела. Только разве большинство мужиков так живет? Им до тебя всю жизнь тянуться.

– Ишь ты, радетель!

– Все-то ты готов меня в юродивые записать. А я хорошо все так рассчитал. Кто может прекратить войну? Король. Но только если он будет сильнее всех в стране. А для этого ему нужен Аскел. А Аскелу – я. А мне – ты. Ну и так далее.

– Вроде как королевство стоит на Нигрине. А я-то думал – только мой надел. Нигрин – и король. – Он расхохотался. – Скажи, не смешно тебе, что мы с тобой, гольтепа, сидим здесь и рассуждаем о таких вещах?

– Нет. Это мне не смешно.

– Славный ты парень, Странник. Но не пожелал бы я себе такого сына.

– Это правильно. Я – Странник, меня к земле не привяжешь.

Они примолкли. Крик совы пролетел над деревьями.

– На рассвете уйдешь?

– Как водится.

Нигрин искоса взглянул на собеседника.

– А я ведь понял, что ты задумал, Странник. Иначе зачем тебе Матиса с места срывать?

– Ну, всего-то ты не понял. А если о чем догадался, помалкивай.

– Голову бы пожалел. Хоть дурная, а своя.

– Пустой разговор.

Нигрин не нашел новых доводов.

– Ночевать будешь опять на дворе?

– Опять. Сам знаешь, не люблю я под крышей.

– Все-таки ты блаженный. А может, наоборот, – снаружи все быстрее услышишь. И удрать легче. Нет, не разберешь, кто ты есть. Ну и не мое дело. Погоди, я тебе сейчас пожрать на дорогу вынесу. Так, говоришь, Аскел Матиса наградит? И флягу твою давай. Меду нацежу. Ладно, ладно, не спорь, кто знает, когда ты еще сюда заявишься!

Утренний туман рассеивался, когда Странник снова шел по лесу. Тогда же, ночью, Нигрин сказал ему: «Легкой дороги», а утром они не виделись. Пока не настала дневная жара, можно было, поспешая, проделать добрую часть пути.

А может, Нигрин был прав, и не стоит так рисковать? Ведь и Цицерон писал о том, что любовь к ближнему должна быть умеренной и не следует любить никого больше себя. У старика порой встречаются дельные мысли.

С другой стороны, если бы это пришло ей на ум тогда, во время осады, она осталась бы в городе, закисла там и гораздо вернее загубила свою жизнь. Так что и от любви к ближнему бывает порой польза. А за эти годы она выучилась жить среди людей, как Нигрин живет в лесу. Опасности можно было ждать с любой стороны, и человеческое уродство, духовное и телесное, пугало не больше, чем какая-нибудь коряга.

Ну, в одном-то он прав безусловно. Конечно, королевство и мир держатся на людях, которые пашут землю, строят дома, ремесленничают и рожают детей, а Странник – перекати-поле. На то он и Странник. Нет, без Странника мир бы не рухнул. Но, может, от его присутствия в мире что-нибудь переменится.

Ну-ну! Настоящая война еще не начиналась, а Странник уже думает, как ее закончить.

Нигрин. И эта дура с заискивающим взглядом. Ничего, живите. И я буду жить. И все будем делать свое дело.

А ноги уже сами несут тебя вперед. И славно ощущать свое тело, сильное и ловкое, отталкивающееся от земли без всякого усилия, – и всадник не всякий догонит Странника. Это и есть жизнь – там, где над головой сплелись ветви, а под ногами – корни. Лето, и не надо никого убивать. Я ягод поем, воды из ручья напьюсь. Но – кто знает, была бы эта жизнь сладка, если бы так продолжалось всегда? У каждой дороги должен быть конец, чтобы можно было ступить на новую дорогу. А потому – вперед, вперед, на закат, и пусть стоят долгие дни над Великим лесом, и маленькая луна катается над лиственным сводом шатром – Странник убыстряет шаг.

К полудню он добрался до реки. Перешел вброд, в омуте окунулся, не раздеваясь, – безопаснее, к тому же в мокрой одежде легче идти по жаре. Гай в этих местах петляет, и большая вода встретится еще не скоро. Луны сегодня, похоже, не будет, и, пока светло, нужно пройти как можно больше. Дважды попадались овраги – следы давнишних вырубок, где на дне мелькали гадючьи спины – лягушки летом передохли. Теперь вырубки уже заросли. Что здесь было раньше? Давно, давно, и некогда думать. Не раз и не два уже Страннику приходилось видеть покрытых мхом, гниющих на земле языческих идолов, вырубленных из стволов дуба или вяза. А самих язычников сотни лет как нет в Великом лесу. Вырубили орденские войска или иные. Разве только еще, может быть, в горах, кое-где… правда, говорят, они приносили в жертву своим богам живых людей… или врут? Духи леса и духи воды, говорили

они, мы не причиним вам зла, и вы не причиняйте нам зла. Хорошая молитва, прости меня, Господи, и охрани меня святой Юлиан-странноприимец! Хорошо, что Странник пока один и может еще думать о постороннем… а глаза всматриваются, ноздри втягивают воздух, и – без остановки, пока мрак не навалится на лес.

Да, конечно, лучше леса нет ничего. Это он только для чужого страшен. И для слабого. А чужой и есть слабый, потому что нет у него знания. Да и знание – еще не все. Радость должна быть. Такая радость, как когда перейдешь горный поток по перекинутой тростинке, когда поймаешь форель руками, просто оттого, что этот дуб так могуч, что хоть укладывайся на любой ветке, что сухие листья шуршат под ногами, а по ним рассеяны пятна света, как на оленьей шкуре, под деревьями тень, а на полянах солнце бьет в глаза и до заката еще далеко. Радость для тела и души. И от нее никому нет вреда. Потому что там – радость всегда за чей-то счет. Да и здесь, стоит повстречать другого… Здесь много всякого зверья, но хуже человека нет никого. Это я знаю точно, потому что я – тоже человек. И да наслажусь я жизнью до последнего глотка, пока лес этот только мой!

…И пели рога над лесом, разгоняя утренний туман и мешаясь с лаем собак. Храпели тонконогие господские кони, пестрые куртки доезжачих мелькали между стволами. Покой уходил из чащи, отступал перед людьми.

На поляне, где дымились залитые костры, в глубине виднелись два шелковых шатра. Рядом с одним из них было вкопано копье с укрепленным штандартом с изображением солнца. Ветер был слаб, и штандарт свисал, изредка шелестя золотыми кистями. Под ним, широко расставив короткие ноги, стоял воин в легком полудоспехе. Щурясь, он смотрел туда, где слышались лай и голоса. Там на сером коне сидел невысокий всадник в коричневом плаще. Одежда его была темной и простой. Под охотничьей шляпой с пером поддета бархатная скуфейка, у пояса длинный меч. Левая рука его, затянутая в перчатку, сжимала поводья, правую он поднес к закушенным губам. Вторая перчатка была заткнута за пояс, и золотой перстень на безымянном пальце – знак комтурского достоинства и единственное украшение всадника – то вспыхивал, то тускнел, попадая в тень.

На противоположном конце поляны, посреди стаи гончих, другой всадник, склонившись в седле, хохоча, протягивал руку к вскинутым собачьим мордам. По сравнению с первым он выглядел как петух рядом с селезнем. Он был гораздо выше ростом и так широк в плечах, что голова казалась слишком маленькой. На его плаще темно-зеленого цвета были нашиты золотые бляшки, и золотое ожерелье охватывало крепкую шею. Разноцветные камни сверкали на сбруе, на ножнах и рукояти меча, и этот честный блеск намного превосходил жидковатый блеск его глаз. У него был широкий, но низковатый лоб, крупный нос и короткая темно-русая борода. Лет охотнику было около тридцати пяти. Выпрямившись, он подбоченился и галопом направился к первому.

– Чего они медлят, не понимаю! – крикнул он, подъезжая. – Неужто опять передрались? Или мало я их учил?

– Решил ты нынче или нет? – спросил Генрих Визе – это был он.

– На охоте я думаю об охоте. Может быть, в ордене вы привыкли иначе, вы ведь ни рыба ни мясо, сверху рыцари, снизу монахи, или наоборот?

– Поосторожней с достоинством ордена, граф. К тому же мы союзники.

– Это у вас называется союзом – когда я даю, а орден только получает? Как стоял, так и буду стоять на своем – Вильман переходит в мое владение. Вильман и Гернат вместе стоят иного королевства, клянусь животворящим крестом!

– Ты забываешь, что Вильман не принадлежит еще не только тебе, но и ордену. Это владение короны.

– То-то и оно! Сиди там, как и прежде, герцог Мореан, я бы сам пошел на него. Но вот уже три года, как король опередил меня, потому-то я и обратился к вам!

– Мне предстоит еще встреча с приором Восточных земель…

– К чертям ваши Восточные земли! Чего я там не видел? Леса да болота. А в Вильмане сидят жирные горожане и ждут, чтобы их пощипали… Подожди! Святой Губерт, снова рога! Эй, что там?

Подъехавший старший ловчий пояснил, что следы оленей были обнаружены еще с рассвета, а теперь извещают, что зверь обложен.

Гернат, гикнув, дал шпоры коню. Визе лишь слегка ударил своего перчаткой между ушей, и тот рванулся вперед. Со всех сторон подъезжали другие охотники – бароны, вассалы Герната и орденские рыцари, – всего полтора десятка сеньоров, но так как большинство имело собственную свиту, казалось, целое войско с шумом и треском ломит через лес. А впереди, захлебываясь лаем, неслись гончие, знаменитые гернатовские гончие, за каждую из которых ему предлагали шестерых рабов.

Вскоре всадники рассеялись между деревьями, однако Визе все время видел высокий султан на шляпе Герната и следовал за ним, зная, что такой опытный охотник, как Гернат, не собьется со следа. Если бы он мог, подобно Гернату, на охоте думать лишь об охоте… А ведь в молодости и сам Визе был страстным охотником, и тело его хранит следы медвежьих когтей и клыков вепря… Тогда он, не рассуждая, шел навстречу опасности. Теперь у него на пальце комтурское кольцо, а под кафтаном кольчуга. И, в отличие от Великого Магистра, он еще не стар. За все надо платить. За все.

Но ветер скачки развеял эти мысли, и дальше он несся, как другие, со стиснутыми зубами и пересохшим ртом. В нескольких саженях от него скакали телохранители – он сам их подбирал – молодые рыцари, недавно вступившие в орден и свято веровавшие в него и в отцов-военачальников.

Они вылетели на заросшую цветами поляну, посреди которой поднималась раздвоенная сосна. Гернат придержал поводья, махнул правой рукой, сжимавшей дротик.

– Чертова обедня! Эти гончие слишком быстро бегут, я уже не слышу лая. И загонщики точно заснули. Или этот проклятый олень бросился в реку?

– Река должна быть в другой стороне.

– А, один черт. Вот что я предлагаю, комтур. Давай направимся в разные стороны. Кто первым настигнет оленя, тому и честь. И прикажи своим не стрелять, стрелы – не для нас, точный удар – достоинство рыцаря!

– Пусть так.

Затрещали под копытами сухие ветки, валявшиеся на земле. Всадники ехали неторопливой рысцой, глядя вперед. Отъехав на значительное расстояние, Визе снял рог, висевший у пояса на серебряной цепочке, и затрубил. Мгновение спустя издалека отозвалось еще несколько рогов. Звук был слышен слабо, но явственно.

– Туда! – указал Визе в направлении звука. И они поскакали напролом, пригибаясь под ветками, хлещущими по головам. Пение рогов утихло, но вскоре они услышали отдаленный лай. И вновь началась бешеная скачка. Визе не подозревал, что он еще способен так увлекаться. Он не забывал ни о чем, но и соперник его, Великий приор, и богатый город Вильман, и ненавистный тезка – король Генрих – все это был один олень, убегавший олень! А лай все ближе, ближе, и вот уже он различает бегущего оленя, закинувшего назад голову с тяжелым венцом рогов, и почти повисающих у него на ногах гончих.

Лай звенел не умолкая, а сзади рыцари подбадривали себя громким гиканьем, и эта музыка горячила кровь лучше вина. Визе несомненно опередил Герната, и почетный удар должен был достаться комтуру.

В лицо ударил свежий ветер – значит, река рядом. За кустами боярышника шла небольшая прогалина, дальше берег круто обрывался. Добежав до обрыва, олень повернулся, нагнул голову, выставив вперед рога. Теперь это был уже не венец, а оружие. Зверь был еще силен и готов продолжать борьбу. Собаки припадали к земле, бросались с лаем вперед и, рыча, отскакивали. Визе вытащил меч из ножен, готовясь нанести удар – меч был его излюбленным оружием, он владел им в совершенстве, но внезапно уловил близкий шорох и увидел между деревьями высокую фигуру Герната. Мгновенный холод коснулся души комтура. Он опустил руку и сделал своим спутникам знак не двигаться.

Гернат метнул дротик, вонзившийся оленю в голову. Тот тяжело рухнул на землю. Собаки заливались. Гернат спешился, вынув кинжал, подошел к оленю, чтобы собственноручно его добить, но этого не понадобилось. Подождав, пока не соберутся люди Герната – они наперебой славили силу и меткость своего сеньора, – Визе выехал из-за кустов, слегка склонив голову.

– Ты и вправду, как сказано в Писании, великий охотник перед Богом.

Гернат устало огляделся – псари растаскивали собак, слуги собирали хворост для костра. Он утер пот со лба.

– Ну, дьявол с этим Вильманом… Думаешь, я тебя не заметил? Мы, Гернаты, умеем ценить благородство и благородны сами. Пусть будут Восточные земли.

Возвращались в лагерь уже к вечеру. После обильной закуски соревновались в стрельбе из лука, многие отличились, но героем дня оставался, естественно, граф Гернат. Он уже успокоился, и, сидя в седле, ругал сегодняшнюю жару, вспоминал прошлые охоты и радовался предстоящему ужину. Визе ехал за ним и улыбался. Всего лишь одно движение, даже отсутствие движения, выгода же огромна. А гордость? Гордостью можно и поступиться. Разве не бежал он когда-то от аскеловской конницы? Приняв бой, он бы непременно погиб, а так – он жив, и силен как никогда. Впрочем, Гернат был ему пока что нужен, и Визе не собирался высказывать свои мысли вслух.

Их встретили радостными криками. Тут же поднялась беготня, любопытствующие разглядывали огромные рога, ахали, восхищались. Гернат, уже уставший рассказывать о своем подвиге, поискал взглядом Визе и неожиданно увидел, что тот, все еще верхом, остановился у своего шатра и куда-то смотрит. Гернат подъехал поближе.

– Эй, что с тобой, комтур? – крикнул он и осекся. Штандарт с изображением солнца валялся на земле. Рядом на коленях стоял стражник.

– Я не виноват! – с ужасом в голосе повторял он. – Здесь никого не было, только я! Никто не проходил! Собака не пробегала! Ветер…

– Упал… – прошептал Гернат. Как многие богохульные на словах люди, он был суеверен. – Плохое предзнаменование, – сказал он несколько громче и перекрестился. Визе сошел с коня, отпихнул ногой стражника, приподнял край полотнища, молча выпрямился. Он увидел то, в чем был уверен, – витые шнуры не перетерлись и не оборвались – они были перерезаны.

С наступлением темноты знаменитого оленя зажарили на вертеле, выкатили бочки с вином, доставленные из ближайшего монастыря. На ужин набросились с тем же воодушевлением, с каким шли в бой или травили зверя. Гернат восседал на почетном месте и пил без передышки, остальные, расположившиеся прямо на траве, старались не отставать. Музыкантов и дураков здесь не было – это возбранялось уставом ордена, да они и не были нужны. Каждый во весь голос повествовал о своих былых приключениях, охотничьих или иных, не заботясь о том, слушают ли его. Среди общего содома задумчивость сохранял один Визе. Как и все, он потягивал вино, которое на него почти не действовало, но довольство, вызванное удачной сделкой, ушло бесследно. Подозрительность с годами стала подавлять все прочие чувства в душе комтура, и перерезанные шнуры не выходили у него из головы. Он уже

успел допросить всех часовых. Никто не заметил не только постороннего, но даже слабого признака его присутствия, и все-таки он приказал удвоить охрану.

Луна светила особенно ярко, как редко бывает летом. Голоса становились все тише. Многие уже спали или просто лежали, упившись до бесчувствия. Трещали поленья в костре. У тех, кто сидел ближе к огню, лица были красные, лоснящиеся, а у тех, что в сумраке, синевато-бледными, и по всем лицам скользили неуловимо быстрые тени. Визе думал о предстоящей встрече с приором, о том, что, очевидно, придется пообещать Вильман ему, благо город все равно пока не взят. Внезапно он услышал громкий хохот, напоминающий рыдания. Смеялся Гернат, задрав голову и глядя на луну. Плечи его вздрагивали. Визе удивился, что вначале не узнал его голоса. Луна! Говорят, в такие лунные ночи люди сходят с ума или умирают, и луна будто бы в этом виновата. Глупости и ересь. Выдумки, недостойные человека, – а естественным состоянием человека Визе считал воинское и монашеское, прочие служили ему подспорьем, – все от Бога. И в лунную ночь удобнее целиться во врага. И все. Он поднялся, крикнув телохранителей, приказал провести себя в шатер.

Он не раздевался на ночь – привык спать в кольчуге. Сейчас спать не хотелось. Не спать ночами он тоже привык. У порога, подобрав босые ноги под коричневую рясу, сопел отец Рональд, но Визе не был уверен, что он спит, хотя кто его знает… Ему было известно, что духовник, как и предыдущий, следит за ним по приказу Великого Магистра, но не делал ничего, чтобы это изменить. Визе не был болтлив, не собирался изменять ордену, и старик его устраивал. Уж если орден полувоенный, то лучше иметь под рукой человека проверенного и привычного.

Сидя на постели, Визе продолжал прислушиваться. Видимо, в лагере не спал не только он. Слышались шаги, где-то фыркали кони – обычный лагерный шум. У костра несколько голосов горланили охотничью песню, – отсюда, издалека, она звучала как-то жалко. Переговаривались стражники у входа в шатер. Визе удвоил внимание.

– …и вот я его ясно увидел, как тебя вижу. Он на дереве стоял, в развилке, во весь рост.

– И голова волчья?

– Волчья, верно. А тело человечье. Только голову он повернул, – а луна светит, – вижу, уши торчком, углами, и шерсть седая на морде. Перекрестился я, и он исчез.

– Откуда ж он взялся?

– Не знаю… По лесу много всякой нечисти бродит, еще со времен язычников. А это тоже в лесу было, возле Старых болот.

– А отец Рональд говорил, будто у черта рыло, как у свиньи.

– Нет, у этого была волчья морда, я разглядел. Может, это и не черт был – оборотень, для них волчье обличье милее всего. Луна тогда тоже была, как нынче…

Они умолкли. «Вот подходящая минута, чтобы появился тот, кто сбросил штандарт, – думал Визе. – И человек это, надо сказать, чрезвычайно осторожный, раз ни один из стражи его не заметил… а если он так осторожен, зачем ему обращать на себя внимание? Если только это не дурацкая шутка кого-нибудь из гернатовцев… Сам граф вряд ли замешан, испугался, и все же… если так, он пожалеет об этом. А если без его ведома – найду и душу выбью!»

Если, если, если… Он поймал себя на том, что невольно ожидает чего-то. Дотронулся до перевязи с мечом, лежащей поверх одеяла. Прикосновение к оружию обычно успокаивало, но теперь этого не произошло, наоборот, холод металла еще больше раздражал. Тут новая мысль пришла ему в голову – если (опять если!) в лагере побывал чужой, по следу можно было пустить собак! Как же он сразу не догадался! Это просчет, сейчас следы почти наверняка затоптали. Хотя чужой еще может обнаружить себя. А если свой – и собаки не

понадобятся. Мысли сделали круг. Обнаружить – как? Опять ждать? И рассвет уже скоро… Худшие часы – перед рассветом.

Странный озноб проник сквозь теплоту ночи. Он ворочался без сна, ожидая – чего? Явления? Знака? Но вот солнечные пятна, пронизав ткань шатрового полога, упали на ковер. Визе взглянул на них, потом на свою руку с кольцом. Солнце. Это и есть знак.

Визе едва успел подняться, как появился Гернат, мрачный, с опухшим лицом. Отец Рональд крикнул служку, тот разлил по кубкам вино.

– Радуешься небось? – спросил Гернат, опрокинув содержимое кубка себе в глотку. – Отхватил жирный кусок?

– Я всего лишь смиренный слуга ордена, граф.

– Слуга… Что дальше думаешь делать?

– Поеду в приорат Восточных земель.

– А мне что-то тошно… И охота не веселит. А! Вот мысль! Послушай, комтур, я буду не я, если не сделаю налет на Вильманский край, благо вассалы со мной! Ударим, и… Как бог свят! Подпалю деревеньку, порадую свою душу. И не сердись – на вашу долю еще останется. Я ведь так, для веселья… Я тоже бескорыстный. Рыцарю не пристало быть корыстным. Он берет, но не копит. Вот сейчас коней оседлаем…

– Удачи тебе. Только вначале мы с тобой подпишем договор.

При слове «договор» отец Рональд быстро достал спрятанную в изголовье постели серебряную шкатулку и вынул из нее свернутый в трубку пергамент.

– Какой еще договор?

– О передаче Восточных земель.

– А может, я передумал?

– А как же «рыцарю не пристало быть корыстным»?

– Ха! Он испугался! Ну, пошутил, люблю пошутить, особливо со святыми отцами…

Вопреки его утверждению, Визе вовсе не выглядел испуганным. Он вообще крайне редко испытывал страх, хотя был подозрителен и осторожен. Но сейчас он понимал, что Гернат куражится, по обыкновению.

– Прочти, – сказал он коротко. Обращался он, разумеется, к отцу Рональду, так как Гернат был неграмотен.

«In nomine patris, et filii, et spiritus sancti.

Орден рыцарей святого Маврикия, заключая военный союз с высокородным Готфридом графом Гернатом, обязуется передать ему в бенефиций приорат Восточных земель по условиям, обговоренным заранее. Названный же граф Гернат, со своей стороны, обязуется поставить под знамена ордена две тысячи пехотинцев и пятьсот всадников, а также, в случае начала военных действий, самому выступить на стороне ордена, со своей дружиной. Равно так же и орден берется помогать названному графу, в чем поручителем выступает комтур Генрих Визе. Gloria tibi, domine. Amen».

– И обязательно тебе нужно марать пальцы в чернилах, комтур? То ли дело старый обычай – поклялся на мече, а того, кто усомнился в слове твоем – этим же мечом – по черепу. Я ведь не Лотар, которого вы обвели вокруг пальца и теперь держите с потрохами. «Обязуется»… Никому я ничего не обязан! Захочу – поставлю, захочу – при себе оставлю.

– Я ведь знаю, рыцарь, что семьсот из этих двух с половиной тысяч уже идут на соединение с нами.

– И все-то он знает, этот монах! Ну, послал я их, так ведь я и назад повернуть могу.

Гернат еще поломался немного, потом приказал принести свою печать. Затем долго сравнивал обе копии договора (одна была для него, другая оставалась у Визе) – не умея читать, сличал каждую букву, чтобы обнаружить возможный подвох, наконец поставил вместо подписи крест, прибавив: «Если ты думаешь, что эта закорючка меня к чему-нибудь

обязывает…» – и скрепил пергамент своей печатью. После этого, разумеется, полагалось выпить, что и было сделано, и в ритуальных заверениях в преданности и пожеланиях удачи прошло еще полдня, после чего лагерь свернули и воинство с треском и топотом снялось с места.

Визе не забыл своей мысли и успел вызвать старшего псаря. Но усилия его оказались тщетными, так же как и допросы – собаки не брали следа. Ни одного свидетеля так и не выискалось. Решив отправить вслед за Гернатом соглядатая, Визе простился с ним весьма дружелюбно. Того уже не мучили тяжелые предчувствия, он радовался предстоящему набегу. Но Визе ничего не забыл.

Часть своих людей, слуг и всех собак он отослал в монастырь, а сам отправился со свитой в пятнадцать всадников, рассчитывая через неделю быть у цели. Дорог в лесу, конечно, не было, кроме главной, Вильманской, проложенной еще при римлянах, но она лежала в другой стороне. Ехали по утаенной охотничьей тропе. Зря не спешили. Парило, и застежки на одежде расстегивались сами собой. Время тянулось, и все было тихо, даже слишком, так что, когда ехавший впереди дозорный слегка приподнялся в седле, а потом сделал движение рукой, точно отмахиваясь, Визе удовлетворенно хмыкнул.

– Что там?

– Так… глупость какая-то…

Подъехав, Визе увидел торчащее впереди, на тропинке, небольшое подобие креста.

– Дай мне это, – приказал он. Слуга спешился и с поклоном подал ему странный знак. Визе взял его в руки. Это оказалась сломанная пополам стрела. Обломки были связаны крест-накрест пучком сухой травы. На блестящем острие темнела земля. По оперению Визе тотчас узнал стрелу, какими были вооружены все его воины – конечно, подобрали во время вчерашней охоты.

– Обыскать все кругом, – произнес Визе устало. Он сказал это скорее по привычке, и пока воины прочесывали ближайшие заросли, продолжал разглядывать стрелу. И младенцу ясно, что ее воткнули в землю не просто так. Визе кое-что слышал о лесных обычаях и о тайном языке здешних обитателей. Сломанная стрела – это он знал точно – означала предложение мира.

Отозвав людей, он приказал располагаться на ночлег. На сей раз – еще более по-походному, чем предыдущей ночью. Шатер не раскладывали, тем паче что жара продолжала держаться. Развели костер. После ужина, проверив стражу, Визе улегся спать. Невдалеке журчал ручей. Постанывали ночные птицы. Обычные разговоры уже иссякли, и ночь склонялась к середине, когда тишину прорезал тоскливый волчий вой. Он прозвучал вдали, но так, что его пронзительные переливы услышали. Кони рванулись с привязи, били копытами, храпя, кое-кто из конюхов бросился их удерживать, остальные вскакивали, пытаясь понять причину замешательства, а вой все звенел, постепенно отдаляясь, и, дойдя до самой высокой ноты, оборвался и смолк.

Визе тоже приподнял голову, стряхивая сон. Один из его телохранителей сидел, все еще прислушиваясь.

– Ни разу, истинный крест, не слыхал, чтоб они летом так выли.

– Он здесь, – сказал Визе.

– Кто? – отец Рональд повернулся в его сторону.

Визе не дал себе труда ответить. Он вновь был бодр после краткого отдыха, и голова ясна, как никогда. Человек с волчьей головой? Нет, скорее волк с человечьей. И внятно было его немое обращение. Поверженный штандарт говорил: «Я твой враг», сломанная стрела – «Но я ищу с тобой мира». И вот теперь он напоминал: «Я здесь, я рядом, я жду твоего ответа». И он был один, этот человек, бродящий вокруг стоянки по темному лесу, несомненно один, иначе ему не удавалось бы так легко скрываться. Одному легче спрятаться, нежели многим.

Итак, посланец. Посланец врага. Что ж, врагов и у ордена, и у комтура Визе достаточно. Но кто из них может желать с ним союза? Граф Лонгин? Вельф Аскел? Может быть, сам король? Или принц Филипп – говорят, у него в последнее время нелады с отцом… Короля, пожалуй, следует сразу же исключить – к чему ему эта комедия, хотя, как всем известно, старый негодяй любит посмеяться… Но он сам себе голова, а тот, кто послал этого невидимку, вынужден скрывать свои намерения… И вряд ли это Аскел – тот всегда лезет напролом, полагаясь только на свой меч, переговоры – не его стихия. К тому же давно известна ненависть Аскела к нему, Визе. Однако желание выгоды способно пересилить любую ненависть… Он размышлял, еще кривя душой – вот еще забота разгадывать загадки, неведомо кем заданные, и все-таки ему нравилось, как это было задумано: дурные знамения, крест на тропе, волчий вой – то, что устрашило бы глупца, но оказалось понятно умному и знающему, а за всем этим уже шел по пятам азарт старого охотника.

Он взглянул на небо, начинающее светлеть. «А что, если все это – ловушка?» – подумалось ему.

Ловушка?

– Ильмер, – негромко сказал Визе. Телохранитель тут же встрепенулся. – Оседлай коня и следуй за мной.

Вслед им, не мигая, смотрел отец Рональд. Потом вздохнул и улегся.

Они тихо прошли мимо ворочавшихся на земле людей. Ильмер вел коня в поводу. Визе прислушивался, вспоминал. Часовой, узнав их, что-то пробурчал в знак того, что не спит, и не тронулся с места.

Миновав густой орешник, они очутились у ручья. И цепкий глаз Визе сразу приметил то, на что иному понадобился бы час – следы. Они отчетливо выделялись на сыром песке между зарослями и водой. Не просто следы. Ровно посредине песчаной полосы. Начинаются и обрываются неожиданно. И трава не смята. Но Визе, надо отдать ему честь, сразу понял, в чем дело. Он – чужой – спрыгнул вон с того дерева. Сделал несколько шагов, подтянулся на ветку и удалился, перебираясь с дерева на дерево – они здесь одно к одному. Опять какие-то уловки? Или просто хотел показать, что он один? Потому что следы оставлены намеренно.

Следы были рядом – небольшие и темные. Визе перешел ручей, перечеркнув своими сапогами цепочку старых следов. Ильмер ступал за ним. Визе не двигался, ожидая. Но лес молчал. Может быть, чужак стоит там, в чаще, и тоже ждет? Или ушел, потеряв надежду на встречу? Завыл бы он, что ли… Нет – опять всех разбудит. А это ему ни к чему.

Собственно, какой ловушки ждать? Он вооружен. Под одеждой кольчуга. И конь при нем, а у седла – боевой топор. И светает. Даже если он ушел, то следы он в состоянии оставлять. И ступни у него без копыт.

– Коня.

Ильмер помог ему сесть в седло.

– Теперь ступай. Я иду на охоту.

С тем и отправился на поиски. Ехал медленно, но сам он был напряжен до предела. Не замечая ничего достойного внимания, Визе уверился, что неизвестный, не дождавшись его, скрылся, и продолжал искать его отчасти из того же азарта, отчасти из нежелания отступать. И, кроме того, у него нет времени ждать, он хотел разрешить все разом.

Машинально сжимая рукоять меча, он нагибался в седле. Если бы можно было разобрать следы – уж эти-то он хорошо запомнил! Но было еще недостаточно светло, и трава под деревьями не росла, а на палой листве трудно что-либо заметить, когда не было дождя. А его не было. Сильнее, чем когда-либо, Визе пожалел об отосланных собаках, хотя в прошлый раз собаки ему не помогли.

Проклятье! Кажется, он заблудился. Ну, дорогу назад он найдет… Но неужели поворачивать?

В это мгновение ему показалось, что между деревьями что-то мелькнуло. Может быть, просто глаза устали? Нет. Снова. Это явно человек. Но скрылся слишком быстро, чтоб его можно было рассмотреть.

Визе хлестнул коня, понимая, что это бесполезно – чаща была слишком густа. Он спрыгнул на землю, крикнув:

– Эй, ты, остановись! Стой, тебе говорят! – и поскольку тот больше не показывался, зашагал вперед. Зря он, что ли, сюда добирался? Споткнулся. Выругался. Успел почувствовать, как дохнуло свежестью – снова река! И тут он его увидел.

У старого платана, заложив руки за спину, стоял невысокий юноша. Он молча глядел на Визе, и на лице его застыла неподвижная улыбка. И чем ближе комтур подходил к нему, тем сильнее ему казалось, что это лицо он уже когда-то видел. Да! Видел! Он никогда не забывал ни одного встреченного человека, уж такое свойство было у его памяти. А с этим лицом в его памяти связывалось нечто неприятное. Обидное. Солнце стояло уже достаточно высоко, и Визе мог хорошо его рассмотреть. Тогда его смуглое лицо было бледным, и в рыжих волосах не заметно седины, но стоял он так же, глядя на комтура в упор пронзительно карими глазами. Он вспомнил! В ту ночь казнили конокрада, и рыжий парень с ободранными в кровь руками назвался конюхом брата Альбрехта. Горели факелы, галдела солдатня, а из толпы на него смотрели из-под рыжих косм эти самые глаза. Брата Альбрехта Визе увидел только через сутки и, по всегдашней подозрительности, спросил его о рыжем конюхе. Тот ответил, что не помнит такого, верно, комтур ослышался, а впрочем, черт его знает, может, и есть рыжий, станет он себе голову забивать… А потом из-под Вильмана явилась аскеловская конница, и брат Альбрехт был убит. А рыжий – теперь уже сивый – был лазутчиком и стал наемным убийцей. Он хитер – этого у него не отнять, но он не мог предвидеть, что Визе запомнит его в лицо.

В то краткое время, когда эти мысли возникали в его мозгу, Визе продолжал идти. Он не остановился перед рыжим: на ходу легче рубить – вот так, от плеча и наискось. Но едва он выхватил меч из ножен, как рыжий отскочил в сторону, в руке у него оказался длинный нож, и Визе пришлось самому развернуться, чтобы тот не оказался у него за спиной. Снова меч свистнул в воздухе, и снова рыжий уклонился, на этот раз отступив назад. И дальше продолжалось все так же – Визе рубил воздух, а рыжий кружился вокруг него, нырял под руку, прыгал в сторону, словно исполнял какой-то дьявольский танец, а комтур, взмокший в своей кольчуге, не поспевал за ним. Никогда еще ему не приходилось иметь дело с противником, который не принимал бы ни одного удара – хотя с его оружием это было бесполезно. Он явно изматывал комтура, чтобы достать его ножом. «Негодяй, негодяй», – мысленно повторял комтур. Защищенный, он был уверен в себе, но ему надоело это нелепое топтание. Наконец рыжий не успел увернуться достаточно быстро, конец меча полоснул его по руке. Впервые металл коснулся живой плоти, брызнула первая кровь, и рыжий согнулся от боли. Настал момент, которого ждал Визе. Он размахнулся, но тот вдруг прыгнул, искаженное смуглое лицо оказалось совсем рядом, что-то сверкнуло, и это было последнее, что увидел Визе. Рыжий ударил в глаз, как делают опытные охотники, не желающие портить шкуру. Лезвие входит в мозг, и смерть наступает мгновенно. Визе тяжело рухнул на землю, и прямо на него свалился Странник, выдохшийся и истекающий кровью.

Немного погодя он слез с тела Визе – тот был явно и несомненно мертв – и осмотрел руку. Она была прорезана до кости с тыльной стороны от локтя до запястья наискось. Рана не опасна, но кровь нужно остановить немедленно. Он оторвал кусок плаща Визе и, кусая губу, наскоро перевязал руку. Ничего… это всего лишь рука… и кость цела, и ладонь не задета… и левая рука, а не правая… могло быть хуже… найдем подорожник… Ничего, как-нибудь выкрутимся. Вытащил кинжал, вонзил, вытирая, в землю, спрятал. Затем быстро и умело обыскал труп. Нашел договор, который Визе, не доверяя никому, носил на груди под

кольчугой. Стащил с пальца золотое комтурское кольцо, спрятал и то и другое к себе в сапог. Подхватив тело под мышки, поволок его к реке. Боль в руке была так сильна, что хотелось орать, однако он не мог медлить – люди Визе могли появиться в любую минуту. Дотащив труп до обрыва, Странник попробовал вырвать у него меч, но мертвые пальцы прочно вцепились в рукоять, и Странник оставил свои усилия. Он спихнул бывшего комтура с высокого обрыва в воду, и облаченное в кольчугу тело камнем пошло ко дну. Глядя на расходящиеся в черном омуте круги, Странник подумал: «Тебя следовало бы живым разрезать на куски и скормить воронам. Но мне некогда». Он вернулся назад, кое-как присыпал листьями кровь и следы. Подобрал валявшуюся на земле шляпу Визе, нахлобучил на голову, с тем чтобы бросить где-нибудь подальше, – здесь ее оставлять, конечно, нельзя. Теперь нужно было забрать коня комтура – Странник видел, что он все еще бродит за деревьями. Странник был готов к тому, что придется его ловить, но конь оказался спокойного нрава, и только мотнул головой, когда разведчик подошел к нему. Странник погладил его по морде, и, удостоверившись, что животное принимает его, вскочил в седло. С удовольствием заметил висящее у луки оружие. От потери крови у него кружилась голова, но он был доволен, ибо вовсе не был уверен в успехе затеянной им игры. Все было слишком рискованно, слишком неправдоподобно, однако все получилось именно так, как он рассчитал. Нужно было только угадать, какая сторона натуры комтура возьмет верх. Разумеется, Визе был осторожен. Но, к собственному несчастью, привык считать себя умнее всех. Этим и воспользовался убийца, заманив его в западню, в которую кто-нибудь попроще ни за что бы не попался. А теперь пусть думают, что лесные черти уволокли комтура Визе! Да, Странник поработал хорошо, на совесть – для собственного удовольствия. А главное еще впереди, и пора оставить свои дела. Удерживая раненую руку на весу, правой он натянул повод. Нужно было ехать к берегу и искать брод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.